

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТ АРСКАЯ РЕВОЛЮ ЦИЯ

*Журнал революционных коллективистов, №6 (ч.
1), май 2004 г.*

Чтобы рядовые наемные работники перестали жить, как рабочая скотина, и смогли бы почувствовать себя людьми, у них нет другого способа достичь этого, кроме как силой свергнуть своих господ и начальников, разрушить их государство, установить свою диктатуру над ними и добить их, объединиться в коллектив равноправных и взять в свои руки управление миром. Но чтобы стать

способными на все это, им нужно растоптать в себе привычную мораль, религию, "семейные ценности" и самое подлое духовное орудие власти эксплуататорских классов - патриотизм и "национальную гордость". Только заменив в своей душе всю эту старую мерзость кодексом чести революционера, материалистическим пониманием природы и истории, преданностью своей классовой политической организации, интернациональной солидарностью со своими братьями по классу и великой целью завоевания пока еще не принадлежащей ему родины - Земли, пролетарий сможет стать последовательным борцом за власть своего класса. Наш журнал - одно из средств для того, чтобы помочь ему в этом.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Литературная страничка	
<i>Бертольт Брехт. Стихи</i>	6, 62
<i>Марлен Инсаров. "Дьявол, пошли нам удачу..."</i>	74
Дискуссия с анархистами	
<i>Вадим Дамье. ПРОЩАЙ, ЭКОЛОЖСТВО! (К итогам кампании "Хранителей радуги"-97)</i>	8
<i>Г. Васильев. Прощайте, идеологии XX века! (Комментарии к статье Вадима Дамье)</i>	19
Сущность эксплуатации (Отрывок из книги В. Бугеры "Собственность и управление" (М., Наука, 2003, с. 141-149)).	57
Из письма Марлена Инсарова Михаилу Магиду	67
<i>Примечание от Г. Васильева</i>	69
Разговор с программистом-фашистом	71
Работа над ошибками	73

Пишите нам по электронной почте по адресу:

prol_rev_col@yahoo.com

Вы можете найти наши материалы в Интернете по адресам:

<http://www.left-dis.nl>, раздел "Русский", подраздел "Дискуссии", №№ 5, 10-16, 21, 23, а также подразделы "Актуальность" (начиная с № 4) и "История" - одно из предисловий к книге Гарольда Исаакса "Трагедия китайской революции"; на том же сайте см. разделы "English" и

**"Français" - те тексты, в заглавиях которых стоит "Коллективисты",
наши;
также см. http://www.geocities.com/prol_rev_col/collectivism.html (по-английски).**

Тираж маленький: сколько получится размножить, столько и будет.

Anticopyright:

перепечатывайте наши материалы хоть с ссылками на наш журнал, хоть без ссылок - нам без разницы (*только не искажайте их!*): плевать нам на авторское право... Однако, впрочем, не ставьте свои подписи под нашими материалами ☺

От редакции

В России прошли парламентские и президентские выборы.

Ничего неожиданного не случилось. Не считать же, в самом деле, отсутствие либералов в парламенте неожиданностью. Просто тенденция *сдвига вправо почти всего политического спектра в бывших республиках СССР*, неуклонно действовавшая в России с августа 1991 г. до наших дней, достигла в 2003-2004 гг. своей кульминационной точки. Процессы концентрации и централизации переделенного в годы перестройки монополистического капитала на протяжении всех 90-х гг. побуждали российскую монополистическую буржуазию, во-первых, ужесточать политический режим и делать ставку на все более правые, националистические и государственнические (впрочем, не надо трех слов: это одно и то же) политические силы, а во-вторых, искать такую фигуру, которая в роли президента России устроила бы все - или почти все - группировки российского крупного капитала. Тем временем пролетариат и мелкая буржуазия, до крайности атомизированные во время экономического упадка 90-х гг. и потому на время утратившие всякую способность к организованному политическому классовому действию, все с бóльшим напряжением ожидали "сильную руку" - которая, как они все еще надеются, защитила бы их, неспособных из-за своей раздробленности к самозащите, от произвола буржуев. Итак, тяготение имущих классов вправо долгое время устойчиво совпадало с тяготением туда же неимущих и малоимущих классов - и вот результат: парламент, в котором "Единая Россия" оказалась на крайне левом фланге, и переизбрание на второй срок президента, чуточку более левого, чем Пиночет и Салазар, и заметно более правого, чем де Голль.

Однако в ближайшие годы предстоит некоторое (впрочем, весьма слабое - более видимое, чем реальное) полевение российского политического спектра. Во-первых, идея патриотизма будет несколько дискредитирована путинским режимом (хотя и менее основательно, чем идея демократии была дискредитирована режимом ельцинским: по-настоящему дискредитировать патриотизм в массовом сознании может только очень большая война, не обещающая скорой победы) в глазах пролетарских и мелкобуржуазных масс. Об этом ГПРК уже писала - в связи с некоторым полевением *фразеологии* Национал-большевистской партии в последнее время - в книге "Идеология коллективизма" (с. 284):

"Некоторое формальное полевение НБП в последнее время, взятие ею на вооружение буржуазно-демократических и даже антигосударственных лозунгов - факт. Причина проста: реализация Путиным государственных мечтаний "красно-белой оппозиции" оборачивается новыми прибылями для крупного капитала и новыми бедами для теснимой им (замена рынков супермаркетами!) мелкой буржуазии, составляющей социальную базу этой самой оппозиции (при том, что классовая сущность последней *крайне буржуазна, поскольку ее политическая направленность крайне националистична* - так же, как, например, и у "классических" итальянских фашистов и германских нацистов). Строить какие-то расчеты на этом "полевении" - гиблое дело. История знает множество превращений пролетарских партий в буржуазные, а вот буржуазных в пролетарские - ни одного".

И еще, в №5 "ПР" (с. 53-54):

"Переход от преобладавшей в СССР государственной формы эксплуатации, при которой класс эксплуататоров в основном совпадал с государственным аппаратом, к частнокапиталистической форме, переход, сопровождавшийся разнообразными реорганизациями этого госаппарата, был весьма болезненным процессом для нижних чинов этого госаппарата, для государственной мелкой буржуазии. Брошенные с устойчивых и теплых местечек в холодные воды рыночной конкуренции, эти низы номенклатуры возмущались частнокапиталистическим хаосом и мечтали о возврате добрых старых времен государственного порядка. Поэтому "красно-коричневая" оппозиция 1990-х годов, по своему социальному положению бывшая движением деклассируемых низов номенклатуры, имела "государственно-патриотический" характер, независимо от субъективно-идеологических различий по вопросам вроде того, должно ли идеалом государства считаться государство Сталина, Столыпина или Гитлера.

Но времена меняются. Переходный период от преобладания государственной формы эксплуатации к преобладанию ее частной формы завершился, после ослабления государства наступила его консолидация, при этом государство является уже обыкновенным государством монополистического капитала, разница которого с американским или французским – чисто количественная, а не качественная.

Между тем за 11 лет немалая – причем наиболее молодая и энергичная – часть низов номенклатуры приспособилась к жизни в рыночном хаосе, став из государственной мелкой буржуазии частной мелкой буржуазией. А поскольку возрождаемое укрепляемое государство служит в первую очередь крупному капиталу и давит и оттесняет мелкую буржуазию, когда та подворачивается под ноги (яркий пример – проводимая властями и в Москве, и во многих городах провинции замена рынков супермаркетами), то в "красно-белой" оппозиции, причем как в сталинистско-националистической, так и в просто националистической ее частях начались интересные процессы сдвига от *правобуржуазных* на *левобуржуазные* позиции (это не относится ко всем "красно-белым" организациям, но к некоторым из них, наиболее гибким и чутким к переменам обстановки – бесспорно).

Наиболее яркую форму приняли такие процессы пока что у НБП, которая, сохраняя русско-империалистические требования, стала все чаще

обращаться к требованиям буржуазно-демократическим, *по видимости* антигосударственным.

Отсюда естественным образом стали появляться идеи о союзе оппозиционных “коммунистов” и просто фашистов с оппозиционными либералами. И вот Проханов ведет переговоры о таком союзе с Березовским, а “Лимонка” высказывается за блок сторонников “европейской свободы” и “русской дикой воли”.

Во-вторых, с российской монополистической буржуазией сейчас происходит история, довольно часто повторяющаяся с буржуазиями не очень экономически сильных стран - стран либо периферийного, либо недавно потерпевшего поражение империализма. Почти все ее группировки нашли себе единого арбитра в лице нового главы государства, а этот новый глава все гребет под себя и то одного олигарха обделит, то другого прижмет... Появляется все больше и больше буржуев (впрочем, в нынешней России они, пожалуй, так и останутся в меньшинстве среди своих братьев по классу), обиженных на Путина и его режим. Эти буржуи собирают под свою руку *все* политические силы, которых Путин со своей "Единой Россией" в той или иной степени оттеснил от корыта власти - демократов, консерваторов, фашистов, - на скорую руку перемешивают их (всякое лыко пойдет в строку!), подбрасывают им сколько-то денег (в зависимости от того, сколько людей могут вывести на улицу эти силы) и посылают их на антипутинские демонстрации.

В последнее время проявления этой тенденции все умножаются. То НБПшники начинают делать в "Лимонке" цитированные выше намеки на желательность союза с буржуазными демократами против Путина. То совместные митинги либералов и КППРФовцев начинают проходить в Москве раз за разом. То в той же Москве создается "Молодежный левый фронт", в котором под одной крышей собирается целая куча сталинистских и троцкистских организаций разной степени правизны (раньше некоторые из этих организаций и какать бы рядом друг с другом не сели)... Формирующаяся антипутинская тусовка очень напоминает антиглобалистское движение (являющееся, кстати, не чем иным, как орудием борьбы европейских буржуев - прежде всего французских, но также и немецких, русских и пр. - против буржуев США) не только своей идейной пестротой, но и *тусовочным характером*. Состоит оно по преимуществу из людей, для которых политическая борьба - это не образ жизни, а форма досуга, ограничивающаяся приходом раз в месяц на акции и раз в неделю на тусовки себе подобных. Как это ни парадоксально, такой *человеческой пылью* (очень точное выражение Троцкого) легче манипулировать, чем профессиональными революционерами, без остатка отдавшими свою жизнь децентрализованной партии: как показывает история большевизма до и сразу после его прихода к власти и история современного "антиглобализма", лидеры большевиков были *гораздо более* подотчетны, в своей политической линии, рядовым партийцам, чем лидеры современных "спонтанных протестных движений", которые могут себе позволить проводить, от имени своих тусовок, почти любой политический курс (тот, который закажут и оплатят их хозяева-буржуи)... Это и понятно: в децентрализованной партии профессиональных революционеров все ее члены живут настолько общей жизнью, что не только рядовые члены подконтрольны лидерам, но и лидеры сильно зависят от своих подчиненных-избирателей - а в антиглобалистской и антипутинской тусовках тот факт, что тусовщики почти ничего не должны своим лидерам, оборачивается тем, что лидеры *абсолютно* ничего не должны рядовым тусовщикам.

* * *

Сегодня левые молодые люди в сегодняшней России идут по большей части в анархистские группы разного рода. Само по себе это довольно приятно - вот же ж не только в НБП, АКМ и скинхэды идет молодежь, - но беда в том, что анархисты (враги партийной дисциплины, демократического централизма и организации профессиональных революционеров) *по определению* больны пресловутой болезнью тусовочности. На Западе это уже сделало многих из них легкой добычей антиглобалистского движения, которое, как хороший пылесос, мгновенно всасывает в себя всякого рода атомизированную человеческую пыль; в России то же самое очень даже может сделать антипутинская тусовка... *Срочно надо спасать тех анархистов, которых только возможно, от превращения в бессознательные орудия тех или иных монополистических группировок: для этого надо стараться переагитировать их в коллективизм и строить вместе с ними децентрализованный партию профессиональных революционеров.* Такую партию, в которой борцы с Системой не "самовыражались" бы, а приносили бы в жертву революции всю свою жизнь без остатка - и в этом им помогала бы не только их личная воля, но и партийная дисциплина, поддерживающая личную волю революционера, как корсет поддерживает позвоночник.

Вот почему через №№6 и 7 нашего журнала красной нитью пройдет полемика с анархистами и некоторыми другими антипартийцами. В отличие от пробуржуазных "левых", ГПРК ищет себе не последователей, а *равноправных сознательных товарищей*; а таких товарищей можно найти никак не через затушевание противоречий, не через ласковое заманивание в свои ряды, но лишь через открытый и честный спор, через *резкое* обнажение имеющихся политических противоречий и выставление их на всеобщее обозрение (разумеется, с большим риском рассориться с теми, кого хочешь переубедить - на этот риск *надо* идти). Разрешить можно только то противоречие, которое *видно*.

Литературная страничка

Бертольт Брехт

Потеря ценного человека

Ты лишился ценного человека.
Он ушел от тебя, что не значит,
Будто он не ценен. Признай:
Ты лишился ценного человека.

Ты лишился ценного человека,
Он ушел от тебя, от доброго дела,

Ради пустых дел. Но признай:
Ты лишился ценного человека.

Перевод В. Куприянова

(Библиотека всемирной литературы, серия третья, том 139. Бертольт Брехт: Стихотворения, рассказы, пьесы. М., "Художественная литература", 1972. С. 147.)

От редакции.

*Одной из отличительных характеристик монополистической буржуазии, резко выделяющей ее среди всех прочих эксплуататорских классов, является ее уникальная способность использовать **любые** доктрины, фразы, лозунги и знамена в качестве идеологических орудий своей власти - то есть для того, чтобы организовывать эксплуатируемые ею массы (пролетариат, а также мелкую буржуазию и прочие "средние классы") **под своим руководством** и поднимать их на политическую борьбу... **за укрепление своей политической (а следовательно, и экономической) власти над ними же.** Фашизм, антифашизм, расизм, антирасизм, либерализм, марксизм, анархизм, консерватизм, экстремизм, мачизм (борьба за главенство мужчин в семье и обществе), феминизм (борьба с мачизмом), гомофобия (неприязнь к гомосексуалистам и преследование их), борьба с гомофобией, великодержавный шовинизм, антишовинистический "освободительный" национализм угнетенных наций - все годится монополистическому капиталу для подчинения масс, всякое лько ему в строку. **Любые** лозунги борьбы против **любых** форм угнетения и эксплуатации могут быть использованы политическими организациями, встроившимися в политическую систему капитализма (в качестве либо легальных партий, движений и профсоюзов, либо нелегальных террористических организаций), для того, чтобы повернуть борьбу эксплуатируемых трудящихся в направлении, безопасном и даже полезном для господства монополистической буржуазии. Это парадоксально, но факт: вот уже более ста лет монополистический капитал очень эффективно использует ненависть угнетенных им людей и их готовность бороться для укрепления своей власти над ними.*

К числу очень эффективных орудий современной монополистической буржуазии, с помощью которых она подчиняет себе активных и желающих бороться с нею пролетариев и представителей "средних классов", относятся антиглобалистское и экологическое движения. Об антиглобалистах мы поговорим позже; что же касается экологистов, то наша позиция по отношению к ним полностью совпадает с позицией старого борца за спасение природы от уничтожающего ее капитала - Вадима Дамье. Ему мы и предоставляем слово на страницах этого номера нашего журнала.

Товарищ Дамье - анархист (один из наиболее левых - то есть близких к действительной пролетарской революционности - анархистов на территории бывшего СССР). Критика анархистских ошибок, которые содержатся в его статье (надо заметить, что правильных утверждений в ней намного больше,

чем этих самых ошибок), дана товарищем Георгием Васильевым в статье, публикуемой нами после статьи Дамье. Васильев воспользовался этим случаем, чтобы не только раскритиковать ошибки Дамье, но и продолжить ту экономическую дискуссию, которая идет внутри ГПРК (при участии товарищей, еще не состоящих в ГПРК, но тесно сотрудничающих с нею) и получила отражение в предыдущих номерах "ПР". Это доказывает высокую ценность статьи Дамье даже в том, в чем она ошибочна: если автор, ошибаясь, тем не менее поднимает самими своими ошибками целый клубок взаимосвязанных и очень важных вопросов (даже таких, о которых он и не думал, когда писал свою статью), то даже его ошибки оказываются очень ценными для решения этих вопросов - они подталкивают читателей к тому, чтобы детально разобраться в этих вопросах.

Признаемся, что мы печатаем статью Дамье (разумеется, без всяких сокращений и тем более изменений - мы позволили себе лишь дать свои примечания к ней) без ведома и согласия автора. Честно говоря, мы просто боялись, что он по каким-либо причинам не разрешит нам опубликовать эту замечательную вещь, и потому не стали его и спрашивать... Эта статья - настоящее произведение публицистического искусства, и именно поэтому она, будучи создана, перестает быть личным достоянием автора и становится **общественной собственностью**. Такие вещи выходят за рамки буржуазного авторского права и буржуазной морали; пролетариат должен пользоваться и наслаждаться ими, независимо от воли автора. Вот почему мы публикуем эту статью, рискуя тем, что ее автор обидится на нас - и настоятельно просим его не обижаться...

Вадим Дамье

ПРОЩАЙ, ЭКОЛОЖСТВО!

(К итогам кампании "Хранителей радуги"-97)

*"Ну тешились бы эти господа для своего домашнего обихода,
а то ведь они рядятся в мантии учителей и выносят
собственную неумытость на стогны и торжища града,
и без того смутного и темного"*

Н. Михайловский

Из 64-х страниц №7 журнала "Наперекор" 11 так или иначе посвящены анархо-экологическому движению, точнее тому, что в нашей стране почему-то принято называть таковым. На них можно встретить и немало справедливых, критических высказываний, но главный пафос публикуемых материалов, тем не менее, скорее полувосторженный: так называемый "анархизм образа жизни" и его политический авангард - "Хранители радуги" - это "единственное живое и действенное леворадикальное движение в России, занимающееся практической деятельностью" и "в которое приходит молодежь", это "кузница кадров" и

"школа радикализма" (стр. 45), наконец, это просто "анархическое" движение. Ясно, кажется?

Не стану адресовать ответ автору публикуемых материалов, даже несмотря на его нападки против КРАС(1). Не он все это придумал. Он всего лишь воспроизводит и повторяет кичливый миф, который, как заразу, подхватил от своих друзей и подруг из "хранительской" среды. А потому не хочу бороться со следствием болезни. Предлагаю обратить свой взгляд на источник - само "Анархо-Экологическое Движение Хранителей Радуги".

Я утверждаю: это - не анархическое, не экологическое и не движение. Скорее, симуляция одного, другого и третьего. Более того: в России больше нет никакого социального экологического движения. Есть лишь кочующие тени, призраки на стене общественной пещеры.

Отступление первое. Автор представляет автора.

Прекрасно понимаю, что, по меньшей мере, в этом месте терпение нашего сверх-"альтернативного" читателя окончательно лопнет, и он (добавляю для феминисток: или она) в священном негодовании возопит: "Да кто он такой, этот...!? Как он смеет поливать грязью наше самое-самое-самое движение?? Сам-то он чем занимается?" Вот почему приходится сделать отступление и дать краткую автобиографическую справку - специально для молодых и очень зеленых. Для тех, от которых мне пару раз приходилось слышать в свой адрес словечко "теоретик" с явным оттенком полупрезрения. (Помилуйте, граждане хорошие, да какой же я теоретик, так, жалкий хранитель традиций, неисправимый ностальгик по славным дням анархизма. Как сказал когда-то Бах - не Ричард, автор "Чайки Джонатан Ливингстон", скорее всего, даже неведомый нынешним "субкультурщикам", а Иоганн-Себастьян: "Я всего лишь интерпретатор великого Вивальди...").

Я в неформальном движении с 1987 г. Был первым либертарием в Москве, обратившим внимание на экологическую проблему - в то время, когда гордые КАСовцы (кроме Володи Губарева) еще и знать об этом не хотели. Участник первого всемосковского экологического митинга перед Моссоветом в 1988 г. Один из создателей Московской экологической федерации - объединения гражданских инициативных групп в защиту окружающей среды, вполне реального, а не мифического общественного движения. Был в лагерях протеста в Балаково в 1990 г. и в Нижнем Новгороде в 1991 г. Ушел из экологического движения, когда оно, с моей точки зрения, прекратило свое существование, распавшись на посреднические, коммерческие и иные иерархические просистемные структуры, с одной стороны, и маленькую кучку слабосильных энтузиастов, с другой. О своем "отступничестве" нимало не жалею: признаюсь, что экология никогда не интересовала меня сама по себе, как "наука" и некая самоценность. Пока я считал, что на основе массового экологического движения возможно становление революционного, антикапиталистического сознания и самоуправления, мое место было там. Сегодня такого массового социального явления нет. А группки "профессиональных протестантов" меня, извините, не интересуют! При отсутствии реальных инициатив снизу я предпочитаю просто пропагандировать анархистские идеи словом и действием (когда такая возможность вдруг появляется). Чем и занимаюсь с 1991 г.

Да, для справки. Неоднократно винтился(2), хотя - в отличие от тех же "Радужников" - не считаю это большой доблестью. Вот если бы я мог сказать: "неоднократно отбился"...! Но разве вы можете сказать это о себе?

Впрочем, хватит! Прошу не считать то, что написано выше, за саморекламу. В таковой не нуждаюсь. Просто я хотел доказать, что не сужу со стороны и имею право сказать то, что хочу.

О "революционном туризме" и "революционном самоудовлетворении".

У японского писателя Кэндзабуро Оэ в его "Записках пинчраннера" есть замечательный образ. Некая "революционная группа", изучив опыт "великого марша" китайских партизан 30-х годов, решает организовать нечто подобное. Она обзаводится картой маршрутов миграции лососей, добывает оружие и отправляется в поход... по горным рекам в глухих районах, руководствуясь этой картой. Себя она нарекает вполне экологически - "Корпус лососей". Один из новоявленных "партизан" признает: "...Великий поход китайской революции и наш Великий поход, естественно, отличались друг от друга. Наш поход носил, скорее, ритуальный характер. Поскольку он являлся определенным символом, ритуалом, не все солдаты Корпуса лососей должны были участвовать в нем. Число участников похода Корпуса лососей было сравнительно невелико. Но они непрерывно выполняли этот ритуал. Вот почему каждый наш солдат отождествлял себя с коллективом...".

Нынешние летние лагеря "Хранителей" имеют с социальным движением не больше общего, чем одиссея "Корпуса лососей" с китайским "Великим походом". Я хорошо помню экологические акции прямого действия конца 80-х - начала 90-х гг. Инициатива всегда или почти всегда исходила от местного населения, от рядовых граждан - хотя бы их небольшой группы. Именно они начинали борьбу - снизу, на основе своих собственных потребностей и ощущений, а не под влиянием кочующих заезжих радикалов. А затем на помощь этим низовым активистам приезжали люди со всех концов страны; в контакте и при активной - слышите? *активной* - поддержке и участии местных жителей создавался лагерь протеста, работавший в тесной связи с локальными гражданскими инициативами, стачечными комитетами и т. д. В результате возникало - а не учреждалось приезжими "революционерами" - мощнейшее социальное движение, которое прибегало к самым различным формам борьбы и акциям и в итоге добивалось успеха (Чапаевск-89, Балаково-90, Нижний-91).

Так было до тех пор, пока в массовом сознании сохранялся не только интерес к экологическим проблемам, но и готовность непосредственно и активно отстаивать свои права, не прибегая к помощи посредников, депутатов, бизнесменов и прочих паразитических каст. Только тогда немногочисленная межгородская тусовка "радикальных экологов" и могла действовать не *вместо* простых смертных, а *вместе* с ними.

Атомизация общества и глубокая, пофигистская пассивность покончила с социальными движениями конца 80-х. Интерес к экологии упал. Нет, судя по опросам общественного мнения, эта проблема по-прежнему волновала людей. Вот только готовность что-то делать для ее решения испарилась. Ведь разрушение окружающей среды не грозит немедленной гибелью. О каких же экологических акциях может идти речь, если даже куда более непосредственные беды - недоедание, галоп цен, невыплата зарплаты, разрушение социальной сферы - не может заставить массы выйти на улицы!

Тут-то и настало время "профессиональных революционеров" от экологии. Теперь сценарий изменился. Все больше и больше он начинает выглядеть так. Некое подобие "штаба", собравшись на заседание, тычет пальцем в карту экологических бедствий (а почему, к примеру, не миграции угрей?) и определяет,

куда направить свой взор на ближайшее лето, где провести очередную акцию или разбить следующий лагерь. Никакой продуманности и систематичности в выборе объекта нет и быть не может. Слишком уж узок круг этих "революционеров". На всю страну с ее неисчислимыми болячками сил, конечно же, не хватит, на этом фоне они не заметнее иголки в стоге сена (еще бы колоть толком научились...) А систематически бить в одну точку - это, извините, скучно! Не прикалывает, и все тут. Вот и странствуют по всему пространству "экс-СССР" наши радикалы, перебрасываясь из места в место, не доводя дело до конца тут, начиная снова там. А лето у нас жаркое - так что на Юг, друзья, на Юг!.. На Черноморское взморье с его пляжами!

Но беда даже не в этом. Ведь и впрямь не объять необъятное. Все дело в другом. "Революционные туристы" теперь приезжают не на помощь борющемуся местному населению. Они приезжают бороться вместо него. Они занимаются защитой интересов тех, кто их зачастую об этом даже не просил. Сегодня их действие - это типичное поведение самозванного политического "авангарда", который пытается делать спасительную "революцию" для других и за других. Своего рода тусовочно-панковский экобольшевизм!

Результаты, как и всегда, плачевны и для "массы", и для самого "авангарда". С этой точки зрения летняя кампания 1997 г., столь вдохновенно описанная в "Наперекоре", знаменовала собой окончательный разрыв с традицией первых лагерей протеста 1989 - 1991 гг. и полный крах всяких надежд стимулировать активизацию социальных движений на местах. Автор этих строк неоднократно советовал "Хранителям", отправлявшимся в Волгодонск, установить связи с ростовскими шахтерами, которые ведут борьбу против невыплаты зарплаты и закрытия шахт под предлогом их нерентабельности и ненужности. Ростовская АЭС - это угроза их рабочим местам. Так что угольщики могли бы стать не только союзником "радикальных экологов", но и основой столь желаемого массового движения. Но "радикалы" не пожелали оторвать свои седалища от заблокированного шоссе или лагерного костра и проехать хотя бы столь любимым их сердцу "стопом" несколько десятков километров к шахтерам. Они предпочли другое - вступить в союз с ультраправыми (казачеством) и в конфликт с населением, поверившим, что АЭС обеспечит ему рабочие места и стабильную зарплату. Экологи, побитые рабочими и защищаемые полуфашистами - какая великолепная, вызывающая подлинное умиление картина! Ничто не может отчетливее продемонстрировать глубину краха "Хранителей". После этого, мне кажется, любые дополнительные комментарии излишни.

No more comments. Разве что один вопрос к московским "Хранителям" и их "симпатизантам". Известно ли вам, дорогие друзья, что в разгар ваших "великих" кубано-ростовских походов, летом 1997 г., в Москве проводилась широкая вырубка деревьев? Ах, как были нужны городу, где вы изволите обитать, ваши стройные и на редкость дружные ряды! Но вы были далеко, где-то под южным солнышком. Куда как легче и интереснее бороться где-то там, далеко, подальше от родных пенатов. Так что защитить московские деревья, увы, было некому, некому... Печально, как говорится, но факт!

Московские тусовщики, пару раз смотавшись в Берлин - "автономную" Мекку - возвращаются с большими, круглыми от восторга глазами и с упоением разглагольствуют о Горлебене и британском движении "Реклэйм зе стрит". Увы: ваше упоение подобно упоению портвейном. Утром сильно болит головушка, а толку-то. Все равно не в коня корм... Антиатомное и радикально-экологическое движение на Западе - это прежде всего массовый *социальный* протест, а не ваш

жалкий лагерь с парой десятков залетных "профессиональных борцов с Системой". Он напрямую и самым тесным образом связан с местными, "базисными" проблемами, питается ими, как Антей - живыми соками земли. В Горлебене это было восстание региона против индустриалистской централизации, которую осуществляло государство, возжелавшее навязать населению на фиг не нужные ему ядерные отходы. Берлинские и гамбургские "автономы" сыграли свою роль радикального фермента в рамках "разделения труда" в ходе самых разнообразных акций, но им бы и в голову не пришло покидать свои города, где у них - куча собственных проблем, чтобы облагодетельствовать против желания тех, кто не может и не хочет боиться самостоятельно. А что до британских борцов с автодорогами, то они почему-то выступают в теснейшем союзе не с фашистами из "Национального фронта", которые требуют изгнания всех иностранцев (как казаки - кавказцев), а с бастующими докерами Ливерпуля, и их совместный марш на Лондон весной прошлого года стал самым крупным общественным выступлением в Англии за последние годы. На фоне этих движений ваши акции - всего лишь псевдореволюционное самоудовлетворение.

Так что не придумывайте мифов о вашем мощном, широком, самом активном, действенном и радикальном, к тому же еще глубоко анархическом движении. Помилуйте! С каких это пор авангардистские действия маленькой кучки "профессиональных революционных туристов", совершенно оторванных от местных проблем, не имеющих - в отличие от тех же "автономов" - постоянной инфраструктуры в виде самоуправляющихся домов, центров, проектов и т. д., с каких это пор борьба "для народа, но без народа" имеет хоть какое-то отношение к анархизму? Да и движением их назвать трудно. Из нескольких-то десятков человек? Даже не смешно...

Отступление второе. "Только шашка казаку..."

Здесь нам придется отступить чуть назад и поговорить о славном союзнике "Хранителей" - современном донском казачестве. "В отличие от многих", - пишет в "Наперекоре" один участник летней "радужной" кампании, - "я не считаю контакты "хранителей" с казаками криминалом, поскольку казаки в Волгодонске - это не то же самое, что казаки в Москве. В Москве казаки - это идеологическая организация, а в Волгодонске - сельское население, с которым надо работать".

Пикантность этого столь же гениального, сколь и неожиданного довода усугубляется тем, что на сей раз его высказал не какой-нибудь презирующий интеллигентизм или эстетизм тусовщик, а... историк. Впрочем, вряд ли на сей раз он руководствовался соображениями науки. Скорее всего, и здесь случилось по схеме: с кем поведешься - от того и наберешься. И все-таки, историку непозволительно не знать (или сознательно игнорировать, что еще хуже) некоторые весьма важные исторические факты.

Факт первый. Казачество Вольного Дона, состоявшее из беглых крестьян, жившее по законам самоуправления и участвовавшее в восстании Разина; казачество Области Войска Донского и империи Российской, ставшее военной, иерархической структурой поддержки религии, трона и "белого дела", избивавшее и расстреливавшее рабочих и студентов, устраивавшее еврейские погромы; наконец, современное "казачье войско" - жестко иерархическая военизированная организация - это, что называется, три большие разницы. История играет и не такие еще шутки. Первое было во многом социально-

освободительной силой. Последнее - чисто реакционно, хотя бы даже потому, что имеет официально провозглашенную и закрепленную идеологию, которую можно выразить печально знакомой нехитрой триадой "самодержавие, православие, народность".

Факт второй. Современное казачество - причем *повсюду*, а не только "в столицах" - создавалось именно по идеологическому принципу. Утверждение, что организованные казаки - это "просто население", не соответствует действительности. В настоящее время, по опросам, потомственными казаками считали себя на Дону где-то около миллиона человек; по официальным же данным УВД активных членов Донского казачьего войска было в 1993 г. всего 10 тысяч. По подсчетам экспертов, общая численность казаков, хотя бы эпизодически участвующих в деятельности "войскового союза", не превышает 50 тысяч.

Иными словами, мы имеем дело не с самоорганизованным населением, а с достаточно массовой политической организацией, выступающей *от имени* потомков казачьего населения Дона.

А теперь посмотрим на слова и дела этой организации. Первым атаманом "казачьего круга" стал в 1990 г. главный редактор газеты Волгодонского обкома КПСС, первым атаманом "войскового союза" - член КПСС и начальник филиала Академии МВД. В 1991 г. организованное казачество сбросило "красную" маску и провозгласило себя антикоммунистическим. Новый Совет атаманов завел знакомую песню о "геноциде русского народа" и потребовал не допускать неказачьих к землепользованию. Устанавливались контакты с такими ультраправыми группами, как РНС, "Память", редакция газеты "День" и др. Конечно, внутри "войска" существовал определенный "плюрализм" - в него входили национал-патриоты как "красной", так и "белой" ориентации (последние в 1993 г. поддерживали Ельцина). Но в одном они сходились наверняка. Донское "войсковое" казачество "отличилось" крайним и непримиримым шовинизмом. Только в 1992 г. против его членов было возбуждено 42 уголовных дела - среди преступных актов был обстрел цыганской семьи, сечение плетью, попытки выселения групп кавказцев. Ростовское казачество потребовало чистки "правоохранительных" органов от "мусульман" и "кавказцев". В последующие годы нападения на "инородцев" продолжались. С 1994 г. донское казачество активно участвовало в грязной войне в Чечне; геноцид чеченского населения был вознагражден - многие казаки получили ордена и медали (в том числе и руководитель группы казаков, поддерживавший лагерь "Хранителей").

Как видим, сегодня "Донское казачье войско" является "населением" в той же степени, в какой американский "Ку-Клукс-Клан" или современные массовые ультраправые "ополчения" в США и белые американцы - это одно и то же. Тем более, что по политической и идейной ориентации эти организации вполне сопоставимы - тот же воинствующий консерватизм, тот же клерикализм, та же военизированная структура, основанная на территориальных формированиях, та же ненависть к национальным, расовым и иным меньшинствам.

Хорошенького союзника выбрали себе наши "анархисты" и "автономы"! Скажи мне, кто твой друг...?

Слишком уж они "революционны"...

Беспринципные альянсы - не случайность для "Хранителей радуги" и - шире - всей "субкультурной" тусовки. По мере надобности эти "недогматические анархисты" могут и готовы взаимодействовать с демократами и сталинистами,

"лимоновцами" и просто проходимцами, с властью законодательной и исполнительной, с чиновниками и бизнесом. Тактическое обоснование всегда наготове: "В целом, к власти нужно относиться как можно более прагматично. Помните: это не вы должны власти, это она призвана существовать и работать для вас". Органы власти могут, помимо прочего, обеспечить протестующим "допуск к некоторым государственным и муниципальным ресурсам". "Коммерческие организации" (то есть мафия и торговая буржуазия) способны обеспечить "финансовую поддержку (например, деньги на поддержку вашей акции)", а также "безопасность (используя свой авторитет или даже частную охрану для вашей защиты)". Членам партий (не уточнено, какой ориентации - очевидно, это неважно) надо объяснять, что "ваша акция является прямым продолжением или реализацией их программы (даже если это вовсе и не так)". (См.: *Акции экологического движения: руководство к действию*. М., 1996, с. 140, 142, 144, 149). Как видим, на редкость анархическая тактика - сотрудничество с государством и капиталом, помощь тем или иным претендентам на политическую или экономическую власть в интересах... спасения природы, уничтожаемой тем же государством и капиталом.

Анархисты всегда придерживались принципа соответствия цели и средств - в отличие от большевиков, утверждавших, что цель оправдывает средства. Логика "меньшего зла" - не для либертарианцев, а для циничных и прожженных политиканов. Более того, в нашей стране действует и особая закономерность: выбирая "меньшее зло", наши сограждане всегда норовят вляпаться в большее.

"Радикальные экологи" любят и часто приводят такой аргумент: главное - это добиться осуществления цели акции, в борьбе за экологические приоритеты можно взаимодействовать с кем угодно, со всеми, кто поддержит выдвинутую конкретную цель. Рассуждая так, они молчаливо признают, что - что бы они там ни говорили об анархизме - их "движение" ставит перед собой только и исключительно узкие, сугубо конкретные природозащитные задачи, что более широкие социальные темы, даже вопрос о причине разрушения среды обитания их в действительности совсем не интересуют. По какому же праву они объявляют себя "анархистами" или хотя бы просто "радикалами"? Немецкие "автономы", на которых они любят ссылаться, напротив, в отличие от "чистых экологов", всегда старались расширить экологический и антиатомный протест до более общей социальной атаки на капиталистическую систему и ее аппарат насилия с тем, чтобы в ходе борьбы возникли самоорганизованные и самоуправляющиеся структуры на основе автономии, равенства, прямого действия.

В этом смысле у некоторых "Хранителей" слова попросту расходятся с делами. Так, например, на словах одна из "Хранителей" заявляет: "Главные недостатки последних "хранительских" кампаний: Мы оторваны от населения... Нужно общаться с людьми и подавлять собственную маргинальность, если она мешает. Мало уделяется внимания нашим глобальным взглядам на общество. Должно быть место антикапиталистической и антинационалистической пропаганде" (цитируется по журналу "Третий путь", №50). Звучит великолепно. Вашими устами, как говорится... Вот только одна беда. Что-то никогда не приходилось слышать ничего об этих "глобальных взглядах" от автора цитируемых строк. Зато припоминаю одну опубликованную ею статью, расхваливавшую "новых правых". Да, интересно, а как она лично "подавляла собственную маргинальность" и вела упомянутую ею пропаганду во время летних акций 1997 г.? Насколько мне известно, она ничего не имела против

сотрудничества с ультраправыми и не поехала к ростовским шахтерам. Зато вот помахать кулаками теперь, после драки, обвиняя "чужих" в том, что те "мешают"...

Чем дольше присматриваешься к "субкультурной" среде и к ее "хранительской" эманации, тем труднее отделаться от впечатления, что они, собственно говоря, и не собираются изменять общество, независимо от того, объявляют они об этом открыто, или нет. Их это не особенно интересует, лишь бы они имели возможность спокойно или "опасно" (в зависимости от темперамента) существовать, странствовать и тусоваться "по-анархически" где-то на обочине Большого Капиталистического Хайвэя(3). Они - маргиналы не только по положению (в этом как раз ничего страшного нет!), но по своей психологии, по своему менталитету и устремлениям, по нелюбви к иной (не "суб") культуре, по свойственному им элитарному презрению к "цивилам", то есть практически всем, не входящим в их тусовку. Пусть существующее существует, говаривал Сартр, а я буду бросать в него бомбы - мои слова. Или ритуальные псевдорадикальные по форме акции, могли бы добавить мы. В глобальном капиталистическом "обществе спектакля", где разрозненные атомизированные марионетки вымученно дергают сами себя за нити, на подобный маргинальный радикализм существует спрос. Он не опасен для Системы, он зрелищен, он позволяет стравить пар, да к тому же он может еще и принести прибыль, если за него взяться с умом и умением, как брался капитализм в свое время за дадаизм, сюрреализм и т. д. и т. п. И Система снисходительно терпит, а подчас даже лелеет его. Так пресыщенный купчик снисходительно хлопает развлекающему его шуту-комедианту.

"...Тысячи самозванных анархистов постепенно предали социальную сердцевину анархистских идей всепроникающему персонализму яппи(4) и Нью-Эйджа(5), который характерен для этой декадентной, обуржуазившейся эры", - с горечью писал Мюррей Букчин в эссе "Социальный анархизм или анархизм образа жизни - непреодолимая пропасть". - "В подлинном смысле слова они больше не... сторонники коммунитарно ориентированного либертарного общества и отказываются от каких-либо серьезных попыток организованного, программно продуманного *социального* сопротивления против существующих порядков. Они все больше следуют широкой тенденции, характерной для среднего класса нашего времени и ведущей к упадочническому персонализму во имя их суверенной "автономии", к тошнотворному мистицизму во имя "интуитивизма" и к допотопному взгляду на историю во имя "примитивизма"". Букчин, теоретик социальной экологии, бросил новоявленным "радикалам" в лицо меткое обвинение в уходе "в эпизодические авантюры" и в "грубый эгоизм, подпитываемый широким культурным упадком сегодняшнего буржуазного общества".

Наши "анархисты образа жизни" тоже не интересуются общими социальными проблемами, и этим они разительно отличаются от анархистов прошлого. Возможно, именно поэтому им совершенно наплевать на историю и традиции либертарного движения. Когда они обнаруживают соответствующие статьи в современных анархистских изданиях, они скорее всего просто пропускают подобное "занудство". Они не понимают, что жизнь была там, в НКТ и ФОРА(6). А у них - только симуляция, видимость, ритуальный "поход" где-то там, по "горным рекам", столь удаленным от крупных городов со всем их средоточием бед, мук, страданий.

"Хранители" - по крайней мере те, кто еще имеет охоту к каким-то обобщениям и испытывает потребность в каком-то обосновании (кроме тупого: "что хочу - то и ворочу!") - заявляют, что их лагеря протеста и их акции - это образец свободных отношений. Того самого "анархического образа жизни", к которому они стремятся. Печальное впечатление оставляют, однако, эти "новые структуры", эти "временные автономные зоны", где наши "альтернативщики" отождествляют себя с себе подобными. Населяющие их люди нередко являют образец самых жестоких раздоров, самого бешеного эгоизма. Наверное, в глубине души у многих из этих "радикалов" коренится черствость, равнодушие к проблемам и страданиям ближних. Если таковы они поодиночке, легко представить себе, какой стресс могут вызвать у нормального человека их сборища в количестве выше санитарной нормы. Какая дивная смесь военного лагеря, КСПшной тусовки и стройотряда! Жаль, нет очередной Раисы Максимовны Горбачевой, чтобы написать "научную работу" о том, как в этой "буче, боевой, кипучей" формируется новый (на сей раз - анархический) образ жизни!

В этом еще одна причина того, почему я стараюсь держаться от таких "карнавалов" подальше!

Они не могут послужить примером никому и ничему - даже в том, что касается самих форм борьбы. Кому и когда пришло в голову назвать эти акции "радикальными"? В чем их радикализм - в сладострастном, христианском дозволении полиции и ее клеветам избивать себя до полусмерти? Приковать себя к бочкам в Волгодонске или к дверям в Новороссийске, бросаться под машины и удары, покорно сносить тычки, не сопротивляться и не "поддаваться на провокации"! Самозабвенно винтиться ради винта и даже не отомстить хотя бы одним маленьким актиком саботажа?! Один из бывших участников экологических акций говорил мне: "Какого черта?! Не испытываю ни малейшего удовольствия в том, чтобы каждый раз снова и снова подставлять башку под дубинки и *не иметь возможности ответить...* Нет, с меня хватит!" Хорошо его понимаю, как и всякий человек, испытавший это горькое чувство бессильной злобы, сжимая кулаки в кармане и скрежеща зубами, когда сытый, наглый, самодовольный, пьяный от собственного всевластия мордovorот в униформе тащит тебя в ментовку, а ты вынужден терпеть - из-за других. Я готов терпеть - но только чтобы затем отплатить. Иначе - нет! В стародавние, почти уже нереальные ДСовские времена простое терпение имело хоть малейший смысл, потому что окружающие "нормальные люди" возмущались произволом и начинали ненавидеть Систему. Но сегодня люди безразличны. И "ненасильственное сопротивление" никому не открывает глаза, ни в ком не пробудит глубоко спящую совесть. Да и вряд ли наши "радикалы" сегодня всерьез на это рассчитывают. Они просто тащатся от собственной "крутости", только непонятно, в чем они ее усмотрели. Там, где они видят "геройство", я вижу - их мазохизм.

Что же дальше?

Я не собираюсь давать советы "Движению Хранителей Радуги". После всего сказанного, думаю, ясно, что такого движения нет. Нынешние мифотворцы даже не знают, как этот миф рождался. А я знаю, потому что помню. Термин "Хранители радуги" появился в 1989 - 1990 гг. как крыша для совместных действий эосоциалистов из "Движения за создание Партии Зеленых" и не пожелавших войти в "ДСПЗ" анархо-индивидуалистов (прежде всего из

Саратова). Сейчас уже нет ни ДСПЗ, ни саратовских анархистов (сегодня они - чистые экологи и никакого отношения к "Хранителям" не имеют). Из тех, кто "основал" тогда "Рэйнбоу киперс"(7), остался один Сергей Фомичев. Он до сих пор - единственный настоящий экологист среди *российских* "Хранителей". Не знаю, зачем ему понадобилось связаться с маргиналами, для которых дело его жизни - всего лишь повод потусоваться и высокомерно поглядывать на всех остальных, и с остатками КАСа(8) (еще недавно мы вместе с ним боролись против их теорий "рыночного социализма" и их политиканства!). Ему виднее. Но этот странный альянс должен был закончиться так, как закончился. Теперь, после провала Волгодонской акции, его обвиняют во всех смертных грехах, в диктаторстве, узурпации и т. д. В действительности, Сергею пришлось работать за десятерых в условиях полного пофигизма остальных и воцарившихся раздоров. Я не утверждаю, что он делал это безошибочно или наилучшим образом, но он действовал активно, и за это пассивное большинство упрекает его в вождизме. За то, что он занимался тем, чем другие заниматься не желали! Вероятно, это несправедливо, но ему следовало знать, с кем он имеет дело. Тем более, что его предупреждали, а он не послушал...

Впрочем, думаю, что рано или поздно Сергею Фомичеву надоест этот маргинально-тусовочный фарс. Зачем он ему - пользующемуся авторитетом в Социально-экологическом союзе, издателю заслуженного журнала "Третий путь", эоактивисту с мировым именем, который сумеет способствовать возрождению настоящего экологического движения? Тогда он отделается от этого маргинального охвостья, не станет прикрывать собственными заслугами этот давно уже мертвый миф, и тот бесславно лопнет. Лопнет, как мыльный пузырь.

Отступление третье. От "Хранителей" к "Вяселке"(9).

Увы! Боюсь, что и новый "радикально-экологический" проект унаследовал большинство недостатков старого - принцип "авангардной" группы и "революционного туризма", опору на маргиналов и "анархистов образа жизни", склонность к безразборчивому "прагматизму" в союзах... История никого ничему не учит - она может только проучить тех, кто не желает у нее учиться!

Отступление четвертое, и последнее. Вместо послесловия.

Автор прекрасно сознает, что, написав этот текст, он наживает массу врагов. Но ему не привыкать. Он понимает также, что его могут обвинить в пристрастности и личных мотивах. Ну и пусть! Признаю, что мне хотелось расквитаться со средой, в которой вырастают ядовитые цветы. Sapiienti sat (умному достаточно). Субъективные причины мешали мне сказать все это раньше. Субъективный повод сейчас лишь помог найти в себе силы высказать то, что необходимо. Ведь, говоря словами одного (некогда смелого, а сегодня вполне ручного) сатирика, писать нужно, как и пisać, - только тогда, когда терпеть уже больше не вмоготу!

Примечания от редакции.

- (1) КРАС - Конфедерация революционных анархо-синдикалистов, в которой Вадим Дамье состоит и ведущим идеологом которой является. Наиболее последовательная (то есть наиболее левая, самая близкая к последовательной пролетарской революционности) из всех групп бывшего СССР, причисляющих себя к анархистским. Более того: вообще почти все более-менее левые группы бывшего СССР, претендующие на интернационалистическую пролетарскую революционность, заметно правее, мелкобуржуазнее, чем КРАС.
- (2) *Примечание для людей, не принадлежащих к СНГовскому политическому андерграунду:* "свинтиться", "быть свинченным" означает "быть задержанным полицией"; "винт" - задержание; соответственно, "винтился" означает "бывал задержанным полицией".
- (3) Highway (англ.) - большая дорога, магистральный путь.
- (4) Американский термин, примерно соответствующий нашему "золотая молодежь" или "мажоры".
- (5) От англ. New Age - Новый Век. Собирательное понятие, попадавшееся нам в разных значениях, отражающих различные аспекты духовной культуры, господствующей в современном капиталистическом обществе.
- (6) Об истории анархистских организаций НКТ и ФОРА см. в книге В. Дамье "Анархо-синдикализм в XX веке" (М., Институт всеобщей истории Российской академии наук, 2001).
- (7) Rainbow keepers - "Хранители радуги" (англ.).
- (8) КАС - Конфедерация анархо-синдикалистов... Те, кто начинал, как мы, в политическом андерграунде СССР в конце 80-х (а также, разумеется, те, кто начинал еще раньше), прекрасно помнят это аморфное движение, в которое подались чуть ли не все, кто считал себя в СССР анархистами. Позднее оно, разумеется, претерпело ряд расколов, и его бывшие члены расплылись по всему СНГовскому политическому спектру. Большинство ушли направо; Дамье и его товарищи пошли влево...
- (9) "Вяселка" - "Радуга" (белорус.).

Представляем вниманию читателей Интернациональную Коммунистическую Группу - одну из наследниц традиций левого коммунизма, политически представляющую собой гибрид его итальянской и германо-голландской ветвей. ИКГ допускает серьезные ошибки в вопросе об организации политического авангарда пролетариата (отказывается от демократического централизма), тяготея, подобно германо-голландским левым коммунистам, в этом вопросе к анархо-коммунистам (в некоторых других вопросах - тоже; например, с Кронштадтским мятежом 1921 года солидаризируются...). Однако по большинству вопросов

политической стратегии и тактики ИКГ все-таки занимают пролетарско-революционные позиции, причем **очень** последовательные. На их сайте

<http://www.geocities.com/icgcikg/>

вы найдете много прекрасных пропагандистских и агитационных материалов, в том числе и на русском языке.

Заходите на сайт ИКГ и завязывайте контакты с нею - это достойные товарищи!

Георгий Васильев

Прощайте, идеологии XX века! Комментарии к статье Вадима Дамье

"А Карфаген должен быть разрушен..." На какую бы тему ни писал анархист статью, можно быть уверенным: если эта статья достаточно большая и если автор поднимается до широких исторических обобщений - он обязательно совершит какой-нибудь наезд на большевизм.

Вадим Дамье не является исключением из этого правила. Написав замечательную критику "Хранителей Радуги", бьющую не только по этим эколожцам, но и по всяким прочим "новым левым", "антиглобалистам" и т. п. (вся эта публика одним миром мазана, и ко всем ним приложимы оценки, данные Дамье "Хранителям Радуги"), он никак не мог обойтись без того, чтобы окрестить их "тусовочно-панковскими экобольшевиками".

Основания для этого у нашего автора весьма шатки. Например, когда он противопоставляет анархистов, "всегда придерживавшихся принципа соответствия цели и средств", большевикам, "утверждавшим, что цель оправдывает средства", то он попросту искажает историческую истину. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть статью Троцкого "Их мораль и наша", в которой хорошо сформулирована позиция *революционного* большевизма (то есть такая позиция, которой большевики придерживались еще до своего превращения в партию новых эксплуататоров) по данному вопросу. В этой статье - см. ее, напр., в сборнике "Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991", М., Республика, 1992 - Троцкий как раз и разъясняет ту тривиальную вещь, что цели следует добиваться именно теми средствами, которыми ее можно добиться. Согласно смыслу этой статьи, рациональное истолкование многократно оклеветанного выражения "Цель оправдывает средства" очень просто и, на самом деле, вполне ясно: если средства, которыми только и можно добиться твоей цели, кажутся тебе неприемлемыми - либо найди в себе силы все-таки принять эти средства, либо поставь себе иную цель. Дамье же, к сожалению, наводит тень на плетень, сближая "Хранителей Радуги", для которых идеал анархии вполне совместим с практическим оппортунизмом, с революционными большевиками, у которых вообще не было идеалов, а были только прогнозы. До тех пор, пока большевики оставались революционерами и не лгали массам, они обосновывали свои цели своими прогнозами, а не

мечтаниями и желаниями (из каковых, при отсутствии возможности и желания доказательно прогнозировать будущее, и вырастают идеалы) этих самых масс. И уж тем более - не своими собственными мечтаниями и хотениями... История никогда не старается соответствовать хотелкам как отдельных индивидуумов, так и масс - это революционные большевики понимали, в отличие от анархистов, очень хорошо. Потому, кстати, и победили анархистов, предварительно используя их в борьбе с белыми.

Не менее натянутым является и производимое Дамье сближение образа действий "Хранителей Радуги" - который действительно представляет собой "типичное поведение самозванного политического "авангарда", который пытается делать спасительную "революцию" для других и за других" - с большевизмом. Хотя бы потому, что большевики всегда старались вести массы за собой, причем вести именно на борьбу - а следовательно, большевиков никак нельзя обвинить (в отличие от "Хранителей Радуги") в том, что массы им были вообще по-фигу. Правда то, что большевики стремились делать революцию не просто *вместе* с массами, но *во главе* них - однако если ты хочешь "предъявить" большевикам это, то "предъявляй" именно то, что есть, а не дополняй свои обвинения собственными фантазиями!

А теперь давайте разберемся вот с каким вопросом:

а были ли так уж неправы большевики, стремясь руководить пролетариатом в его борьбе с буржуазией?

* * *

Ответить на этот вопрос нам поможет классификация отношений управления, предложенная в начале моей статьи "Что такое "управление" и "отношения собственности"?" ("ПР", №4). Более подробно эта классификация изложена в первом очерке книги В. Бугеры "Собственность и управление" (М., Наука, 2003).

Итак, обратимся к этой статье:

"Существуют три основных типа отношений управления.

Индивидуальное управление – это когда каждый член данной группы людей сам управляет своей деятельностью, не «вмешиваясь в дела» других членов группы и не допуская их вмешательства в управление своими делами. (Пример - группа торговцев, случайно оказавшихся на рынке соседями по прилавку.) Члены такой группы *не связаны* друг с другом в процессе управления своими действиями: решения каждый из них принимает сам по себе.

Коллективное управление – это когда члены группы взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, совместно управляют действиями каждого, «вмешиваются в дела друг друга». (Пример – несколько человек, перетаскивающих бревно, среди которых нет определенного лидера.) Такая группа представляет собой *коллектив*, члены которого *непосредственно связаны* друг с другом в процессе управления своими действиями: все вместе принимают единые решения. Коллектив – это единый субъект с единым сознанием, волей и действием.

Авторитарное управление – это когда члены группы не взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, но все же *связаны* между собой в этом процессе *посредством руководителя*,

который управляет ими, не будучи в свою очередь управляем с их стороны (в отличие от коллектива, где каждый управляет всеми и все – каждым). Руководитель координирует (согласовывает) действия членов группы – своих *подчиненных*(4) (в отличие от коллектива, где все его члены координируют действия друг друга), выполняющих принятые им решения; таким образом, эта группа тоже представляет собою единого субъекта – с единым действием, сознанием и волей (сознанием и волей руководителя). Однако это единство менее тесно, органично и прочно, чем единство коллектива как субъекта. Изымите из авторитарно управляемой группы руководителя – и она распадется; для того же, чтобы распался коллектив, из него обязательно нужно изъять значительное – по отношению к численности коллектива – число его членов".

Итак, отношения индивидуального управления - это отношения между независимыми друг от друга индивидами; отношения авторитарного управления - это отношения между начальником и его подчиненными, которые образуют единую группу *именно благодаря своему начальнику, связующему их в единое целое*; что же касается отношений коллективного управления, то они представляют собой отношения "координации по горизонтали", когда члены группы координируют свои действия "на равных", без деления на начальников и подчиненных.

Продолжим цитирование статьи из №4 "ПР":

"Ни один из трех основных типов отношений управления практически никогда не встречается в чистом виде. Внутри любой группы людей – от нескольких человек до всего общества, взятого в целом – отношения индивидуального, коллективного и авторитарного управления перемешиваются в различных пропорциях, в большей или меньшей степени взаимопроникают и сплавляются друг с другом, образуя ряд переходных форм. Так, смешение индивидуального и авторитарного типов управления проявляется в том, что каждый подчиненный имеет более или менее обширный круг дел «в своей компетенции», управляя этими делами без или почти без участия руководителей; наложение авторитарного и коллективного типов друг на друга приводит к большему или меньшему контролю над руководителями снизу, к переизбираемости большего или меньшего процента руководителей подчиненными (через большие или меньшие сроки либо вообще в любое время по желанию подчиненных) и так далее. Однако как бы тесно ни сплавливались друг с другом три типа отношений управления, но в любой группе можно, проведя анализ системы отношений управления, различить эти типы и подсчитать удельный вес каждого из них в данной системе".

Зачастую можно "на глазок" определить, какой именно из трех типов отношений управления преобладает в данной группе. Например, в воинской части или на предприятии в классовом обществе очевидно преобладают отношения авторитарного управления; поэтому выражение "трудовой коллектив" не имеет научного смысла. Вообще говоря, слово "коллектив" очень часто употребляется для обозначения всякой группы, осуществляющей кооперированную деятельность; при этом не различаются два совершенно разных типа кооперации - когда начальники координируют деятельность своих

подчиненных "по вертикали" и когда члены группы взаимно координируют свои действия "на равных", "по горизонтали".

Именно слова "коллектив", "коллективное управление" наиболее пригодны для обозначения координации "по горизонтали", без деления на начальников и подчиненных. Хотя это слово и используется зачастую для обозначения групп, в которых преобладают отношения авторитарного управления, однако все-таки сформировалась некая стихийная традиция, неписаный закон, в силу которой "коллективом" называют лишь такую группу, где, хотя бы и наряду с отношениями авторитарного управления, более-менее заметную роль играет также и "координация по горизонтали". Следуя этой традиции, Маркс и Энгельс провели в "Немецкой идеологии" различие между "действительной" и "мнимой" коллективностью - причем в качестве примера "суррогата коллективности" они привели государство, т. е. типичную авторитарно управляемую группу (Соч., 2-е изд., т. 3, с. 75).

Классики пошли в верном направлении: действительно, если уж превращать слово "коллектив" в *научный* термин, то надо сделать его *однозначным*, надо *недвусмысленно* увязать его с той самой "координацией по горизонтали", с которой он уже (хотя и все еще нечетко, нестабильно) начал увязываться в расхожем словоупотреблении. Так и было сделано в №4 "ПР" и в книге "Собственность и управление".

Однако продолжим цитату с того места, где мы прервали ее:

"Измерительной шкалой при этом будет рабочее время: с ее помощью можно будет подсчитать, какой процент действий, совершаемых в совокупности всеми членами данной группы или некоторой их частью, управляется (управлялся, будет управляться в тот или иной момент времени) индивидуально, коллективно или авторитарно.

Методики таких подсчетов еще никогда никем не разрабатывались. Однако и без всяких методик, "на глазок" можно определить, что, например, в системе отношений управления производством, распределением и потреблением внутри первобытной общины (кстати, каждая такая община не была частью, одной из ячеек первобытного общества, но сама представляла собой общество как таковое) отношения коллективного управления преобладали над каждым из двух других типов отношений управления. Это проявлялось в следующем:

самые важные решения принимались всей общиной в целом на ее собраниях, *при этом вожди и старейшины отнюдь не играли решающей роли* (да и как они могли бы закрепить за собой такую роль, если внутри общины не было такой силы, на которую они могли бы опереться для того, чтобы подавить и подчинить остальных общинников: в классической, еще не начавшей разлагаться первобытной общине все ее взрослые члены - и мужчины, и женщины - были примерно одинаково вооружены) - проекты решений обсуждались до тех пор, пока члены общины не приходили к единому мнению, и только тогда решение считалось принятым;

любой лидер в общине мог быть переизбран ею *в любой момент*, и вообще зачастую сама *должность* лидера была не постоянной, а возникала лишь в привязке к какому-то отдельному мероприятию (например, к выходу общинников на охоту или на сбор полезных растений), по окончании которого не только избранные на эту должность люди вновь растворялись в массе общинников, но и сама данная "вакансия" исчезала (чем чаще

первобытные общины нуждались в том, чтобы той или иной стороной их жизнедеятельности *постоянно кто-то руководил*, тем в большей мере они *переставали быть первобытными*; если же мы видим, что в каком-то племени уже имеются пожизненные, а тем более наследственные вожди, - значит, *это племя уже не первобытное*, каким бы примитивным оно ни было: здесь мы уже имеем дело с ранними ступенями развития цивилизации);

распределение материальных благ в общине было в огромной степени уравнительным, и производилось оно под жестким контролем всей общины; привилегии лидеров были крайне незначительны; сам процесс потребления каждым общинником своей доли материальных благ происходил до такой степени под контролем и при участии всей общины, что потребление первобытных людей *не было индивидуальным* - это было *коллективное потребление*.

Также очевидно, что в цивилизованном обществе, разделенном на классы, народности и государства, отношения коллективного управления экономической деятельностью отошли далеко на задний план по сравнению с отношениями авторитарного и индивидуального управления. Типичными, основными отношениями управления в производстве, распределении, обмене (особом виде распределения, развившемся по мере превращения продуктов труда в товары) и потреблении стали отношения не между равноправными сотрудниками, совместно управляющими своей деятельностью, а между начальником и подчиненным, между продавцом и покупателем, между конкурентами".

Что же позволяло первобытным людям - с их узким кругозором, малоразвитой логикой, мифологическим (т. е. малодоказательным) мышлением - осуществлять *участие всех членов общества в управлении им*? И почему более образованные, более доказательно мыслящие цивилизованные люди вот уже девять тысяч лет кряду никак не могут координировать, в мало-мальски значительном масштабе, свои действия так, как это делали первобытные люди - то есть отчасти вообще без руководителей, а отчасти с руководителями, полностью подконтрольными своим подчиненным?

Разгадка заключается в трех обстоятельствах, благодаря которым первобытные люди могли *очень быстро* обсудить любую проблему *всем обществом* и принять по поводу нее *единое совместное решение*, с которым *все были согласны*:

1) каждая первобытная община представляла собой почти самодостаточное общество. Таким образом, каждое первобытное общество было очень маленьким - *а чем меньше людей в группе, тем быстрее они способны обсудить какую-то проблему и выработать ее совместное решение*;

2) проблемы, которые жизнь ставила перед первобытными людьми, не были настолько многосторонними, чтобы требовалось перебирать большое количество вариантов их решения. Куда на завтрашней охоте гнать дичь? - Да все соплеменники прекрасно знали, где поблизости находится самый удобный для этой цели овраг. Кого избрать вождем на эту охоту? - Все общинники знали друг друга, как облупленных, и прекрасно представляли себе, кто из них наиболее пригоден для этой роли. Куда откочевать осенью? - Ясное дело, туда, где теплее... И так далее. *А чем меньше спектр возможных вариантов решения*

проблемы, тем быстрее члены группы способны обсудить какую-то проблему и выработать ее совместное решение;

3) профессиональная специализация среди первобытных людей была развита мало, и, таким образом, все взрослые члены каждой общины имели почти одинаковый опыт. *А чем больше совпадает кругозор у членов группы, тем быстрее они способны прийти к единому варианту решения проблемы.*

Все эти три обстоятельства отпадали по мере развития производительных сил, обуславливавшего переход от первобытной общины к классовому обществу. В результате повышения производительности труда общины выросли, стали оживленнее контактировать между собой и в конце концов слились в более-менее крупные народности. То же самое развитие производительных сил усложнило проблемы, встающие перед людьми, сделало более многовариантными спектры возможных решений этих проблем. Наконец, по мере развития производительных сил возрастало разнообразие видов деятельности, что приводило к углублению профессиональной специализации членов общества. Все это, вместе взятое, привело к тому, что у членов не только всего общества, но даже мало-мальски значительных его элементов просто *не стало хватать времени для осуществления коллективного управления - и это было неизбежно.* Для того, чтобы вернуться к преобладанию коллективных отношений управления, был *только один* мыслимый путь - отказаться от сохи, серпа, пастушьего кнута (а позднее - еще и от фабричной машины) и вернуться к каменному топору. Но это означало также и отказ от всех материальных благ, добываемых с помощью сохи, серпа, пастушьего кнута, а позднее - еще и с помощью фабричной машины; потому этот путь, хотя и теоретически вообразимый, на практике был совершенно невозможен. *Никогда, ни за какие духовные блага* (такие, например, как дружба и братско-сестринская любовь между всеми членами общества, психологический комфорт как результат доверия к другим людям и к самому себе, и т. п.) *не откажутся люди от материального комфорта; и всегда тех, кто осознанно стремится к уменьшению своего материального комфорта как к конечной цели, в обществе будет лишь малое меньшинство.* Это утверждение настолько хорошо доказывается всей историей человечества, что его можно принять как аксиому. Люди хотят сытно есть, мягко спать в тепле, весело развлекаться с помощью как можно более "продвинутых" средств развлечения, все лучше и лучше лечить свои болезни - и если идут на лишения, муки и смерть, то в подавляющем большинстве случаев для того, чтобы в будущем те, кого они любят, могли сытно есть, мягко спать в тепле, весело развлекаться с помощью как можно более "продвинутых" средств развлечения, все лучше и лучше лечить свои болезни. Противоположное им могут предлагать лишь такие лукавые, коварные философы, обращающиеся к сбрендившим современным интеллигентам и еще больше заморочивающие им мозги, как Герберт Маркузе, писавший в своей книге "Эрос и цивилизация":

"...сокращение рабочего времени до такой степени, что это перестало бы сдерживать развитие человеческих способностей, является первой предпосылкой свободы. Такое сокращение почти неминуемо означало бы понижение преобладающего в настоящее время в развитых индустриальных странах уровня жизни. Но возвращение к более низкому жизненному стандарту, вызванному крушением принципа

производительности, еще не является свидетельством против прогресса свободы" (Г. Маркузе. Эрос и цивилизация. Киев, "ИСА", 1995. Стр. 156-157).

Любой рядовой наемный работник, не настолько закомплексованный, как читатели Маркузе, пошлет последнего куда подальше - и будет совершенно прав. Переход к коллективизму имеет смысл лишь в том случае, если он поможет человечеству, во-первых, выжить, а во-вторых, жить еще комфортнее - не только психологически, но и материально, - чем в классовом обществе.

Возможен ли *такой* переход? Об этом мы поговорим позднее. Сейчас же отметим, что переход к преобладанию отношений авторитарного и индивидуального управления в обществе над отношениями коллективного управления породил еще одно, дополнительное препятствие к функционированию и возрастанию роли отношений коллективного управления:

*появились и возобладали **непримиримые, антагонистические противоречия** между членами общества - а когда такие противоречия имеют место между членами даже маленькой группы, то до тех пор, пока эти противоречия не устранены (а устранить их невозможно без применения **силы**), эта группа не способна выработать устраивающее всех единое решение даже для простой проблемы, одинаково доступной для осмысления всех членов данной группы.*

На протяжении всего существования классового общества эксплуатируемые классы время от времени применяли насилие, пытаясь устранить антагонистические противоречия между людьми. Иногда угнетенным удавалось свергнуть своих эксплуататоров. Однако перечисленные выше ограничители отношений коллективного управления, появившиеся с переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, оставались в полной силе - и не позволяли победоносным повстанцам устроить жизнь общества по-коллективистски. Их лидеры становились новыми господами, новыми эксплуататорами. Это не значит, что восстания угнетенных были бесполезными: они вели к установлению новых общественных форм, способствующих дальнейшему совершенствованию производительных сил. Однако эти новые формы оказывались такими же эксплуататорскими, угнетательскими, как и прежние. *История классового общества доказала, что революционное насилие угнетенных классов - хотя и необходимое, но вовсе не достаточное условие перехода человечества к бесклассовому, коллективистскому общественному строю.*

Возможно ли вообще, чтобы человечество, ставшее в XX веке единым социальным организмом, состоящим из нескольких миллиардов человек, превратилось в общество с преобладающими отношениями коллективного управления *на уровне производительных сил не ниже современного? Как именно это возможно?*

Товарищ Вадима Дамье по КРАС, Михаил Магид, считает, что невозможно. Он склоняется к тому, что стоит бороться за разделение человечества на небольшие сельские общины, за возврат к доиндустриальным производительным силам:

"Сантьяго также заявлял: "Индустриализация не является необходимой. Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние людей не зависят от индустриализации". И другой аргентинский анархист - Исмаэль Марти: "Надо думать не исключительно

о производстве, а больше о самих людях. Не человек существует для общества, а общество для людей". Он призывал вернуться "назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения".

Можно допустить, что какие-то элементы современных технологий могут быть использованы в целях социального и индивидуального освобождения, однако их применение в полном объеме вряд ли приведет к чему-то иному, кроме как к восстановлению существующих сегодня отношений отчуждения и несвободы (хотя бы и в каком-то новом облики). Ибо небольшие группы людей, отдельные самоуправляющиеся коллективы не в состоянии контролировать сверхсложные процессы производства и обмена, которые неизбежны в рамках индустриальных и постиндустриальных глобальных систем, не в состоянии постичь их суть. Частичное, раздробленное на миллионы частей, а не целостное знание сущности этих процессов, ведет к росту специализации и к принципиальному отсутствию возможности понять интересы и цели друг друга (а без этой возможности нельзя и совместно управлять общественной жизнью). Отсюда неизбежно вытекает необходимость формирования технократии, осуществляющей над обществом регулирующей контроль. Причем именно постиндустриальные технологии сообщают этому контролю невиданную прежде мощь, ведут к появлению принципиально новых и тоталитарных по своей сути форм этого контроля" (Михаил Магид. Тоталитаризм: темное прошлое или светлое будущее? / Наперекор, №12, зима 2002/2003. Стр. 62.).

Как видим, Магид согласен с Маркузе: пусть будем жить беднее, лишь бы в бесклассовом обществе! Однако современные пролетарии пошлют Магида за такую установку туда же, куда и Маркузе - и опять-таки будут совершенно правы. К таким речам пролетарии (да и то далеко не все) прислушивались с одобрением лишь в те времена, когда индустриализация только что вырвала их из сельских общин, ограбила и еще ничего не дала взамен. Современный же рядовой наемный работник, уже вкушивший благ, предоставляемых ему промышленностью (хоть и блага эти с массой дефектов, хоть и доставляются пролетариям они помалу и с перебоями, хоть и дорогую цену - во многих отношениях - платят пролетарии за эти блага, но все же современный пролетарий в среднем живет в куда как большем материальном комфорте, чем его предок-крестьянин), не очень-то склонен воспринимать мысль о том, что люди тысячелетиями жили и без индустриализации, как руководство к политическому действию.

Следует обратить внимание еще и на то, что *возврат к сельским общинам неизбежно возродит вовсе не первобытный коммунизм, а докапиталистическое эксплуататорское общество*. Это произойдет прежде всего потому, что даже самые замкнутые сельскохозяйственные общины все-таки намного теснее контактируют между собой в процессе производства и распределения материальных благ, чем первобытные общины - и, таким образом, вместе составляют достаточно большие социальные организмы из десятков и сотен тысяч, а то и из нескольких миллионов человек. Этому огромному количеству людей приходится как-то координировать свою деятельность, прежде всего экономическую; а поскольку *все они* не только не могут регулярно принимать

разнообразные управленческие решения, но даже не могут (в отличие от двухсот-трехсот человек, составляющих первобытную общину) регулярно производить *совместное* отслеживание деятельности избранных ими координаторов и *совместно* принять в *любой момент* решение, оставить ли этих координаторов на посту или сменить их, - по этой причине те, кто будет координировать экономическую деятельность этих общин, *неизбежно* приучатся манипулировать последними, умело вешать своим избирателям-подчиненным лапшу на уши, и в конце концов (весьма быстро) станут начальниками, не подконтрольными своим подчиненным, господами и эксплуататорами. Собственно говоря, именно это и произошло при переходе от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству; эта же история *обязательно* повторилась бы, если бы сбылись мечты Магида и тех аргентинских анархистов, на которых он ссылается.

Более того. Если бы произошел возврат от индустриального классового общества к доиндустриальному, но тоже классовому, - этот возврат *неизбежно* будет *неполным*: сохранится современное оружие и весь тот сектор промышленности, который необходим для его производства. Почему так? - Об этом говорилось еще в первом номере "ПР" (осень 2001 г.), в статье "Зачем человечеству нужна мировая революция?" В цитате оттуда, которую мы сейчас приведем, особое внимание надо обратить на четвертый абзац:

"...во второй половине двадцатого века наша техника достигла такого уровня развития, на котором дальнейшее существование классового, отчужденного общества просто несовместимо с выживанием человечества. Если будут продолжаться конкуренция и борьба за власть между людьми, проявляющиеся не только в больших и малых войнах, но и просто в том, что производство ведется ради прибыли капиталистов и карьеры начальников, то при нынешнем уровне техники человечество рано или поздно, но в любом случае достаточно скоро - через пару-другую сотен лет максимум - уничтожит себя. А вернуться к более низкому уровню техники человечество никак не может - да если и попыталось бы, то обязательно уничтожило бы себя в процессе такой попытки.

На том уровне развития техники, которого человечество достигло в ходе Научно-технической революции (НТР), каждая малая война означает большую экологическую катастрофу. Война сегодня - даже такая, в ходе которой ядерное оружие не применяется - это взрывы нефтяных и газовых скважин, хранилищ токсичных химических веществ и радиоактивных отходов, заводов, где вся эта зараза производится, АЭС... Чем дольше будут люди воевать друг с другом, тем больше *невозможных* потерь понесет природа Земли - а поскольку люди будут воевать друг с другом до тех пор, пока существует классовое общество, то уже только поэтому можно считать доказанным, что если через некоторое время (не так важно, через сто, двести или триста лет; важно, что по историческим меркам этот срок весьма короток - вряд ли больше, чем двести-триста лет) классовое общество не уступит (или хотя бы не начнет уступать) место какому-то иному типу общественной организации, при котором были бы исключены конкуренция и борьба за власть между людьми, то *обязательно* произойдет глобальная экологическая катастрофа и человечество погибнет.

Как устранить угрозу войн, не устраняя классовое общество? Создать единое мировое государство, принадлежащее эксплуататорским

(экономически господствующим и присваивающим прибавочный продукт труда своих подчиненных) классам всего мира, которое прекратило бы войны? Но ведь ему понятно, что поскольку противоречия между различными группировками эксплуататоров, их борьба за деньги и власть друг с другом *в принципе неустранима* (до тех пор, пока не устранены сами эксплуататорские классы), то, во-первых, сама попытка создать такое государство *неизбежно* вызвала бы либо новую мировую войну, либо эквивалентную ей по масштабам, жертвам и разрушениям серию локальных войн - то есть приблизила бы глобальную экологическую катастрофу; а во-вторых, если бы даже такое государство и было создано (что само по себе практически невозможно), то оно *обязательно* оказалось бы недолговечным - противоречия между группировками эксплуататоров взорвали бы его очень скоро, и это опять-таки сопровождалось бы большими войнами... Как видим, *пока существует классовое общество - оно неизбежно будет загонять само себя, а заодно и все человечество, в гроб.*

Может быть, от этой угрозы можно было бы спастись, если бы сохранить классовое общество, но избавиться от высокоразвитой техники, отбросив производительные силы человечества лет на 300 назад?.. Не получится. Даже если бы все государства мира - или гипотетическое мировое государство, которое реально никогда не возникнет - вдруг обезумели и начали бы осуществлять это дело, то *современное оружие* эти государства (или группировки господствующего класса в едином мировом государстве) *обязательно* сохранили бы для себя (никакое безумие не заслонило бы от них такой настоятельной необходимости, порождаемой борьбой за власть и деньги). А раз сохраняется современное оружие, значит, сохраняется и весь тот сектор промышленности, который необходим для его производства. Для экологической катастрофы и его вполне хватит - тем более, что в результате свертывания производительных сил на Земле начался бы дикий голод, страшно обострилась бы борьба между людьми за выживание, а значит, начался бы хаос и жуткие войны... Как ни крути - классовое общество уже не может обеспечить выживания человечества.

Но допустим, что классовому обществу удалось каким-то чудом избежать войн, и наступил вечный мир. Могло бы оно при этом условии обеспечить выживание человечеству? - Нетрудно доказать, что даже в этом гипотетическом случае классовое общество быстро угробило бы человечество. Ведь ради чего в нем ведется производство? - Ради возрастания богатства и власти эксплуататорских классов. Для индустриальной цивилизации это означает: ради прибылей капиталистов и карьеры начальников. Так вот, гармоническое приспособление природы и производства друг к другу технически вполне возможно, ничего утопического в этом нет - но это дело требует настолько больших и нескоро окупающихся затрат, что в мире конкурирующих между собой эксплуататорских организаций ("частных" предприятий, государств) и группировок внутри каждой такой организации, управляющих экономической деятельностью, ни один эксплуататор просто не может позволить себе такой затраты ресурсов (иначе его съедят конкуренты); а прочно и надолго договориться между собой ни все они, сколько их есть на Земле, ни хотя бы большинство их никогда не сможет, поскольку борьба за богатство и власть неотъемлема от самой сути отношений между ними. Давление со стороны широких масс может заставить богачей и начальников

немного раскошелиться на "охрану природы" - но лишь немного, и это поможет лишь на время. Самое большее, на что способно классовое общество в плане гармонизации отношений между человеком и природой, - это убогие, паллиативные меры некоторых наиболее богатых государств, весь эффект которых в основном сводится к тому, что наиболее вредные производства переносятся в более бедные страны. Но земной-то шар един, и любая зараза, выброшенная в окружающую среду в любой его точке, рано или поздно распространится по всему нему... Короче говоря, до тех пор, пока человечество делится на управляющих и управляемых, пока оно не образует собой единого коллектива, интересы всех членов которого совпадают, - до тех пор оно будет двигаться к гибели со все возрастающей скоростью, и если переход человечества от отчужденного бытия к коллективному так и не начнется, то оно очень скоро погибнет от глобальной экологической катастрофы".

Итак, мы видим, что если уж стараться войти в бесклассовое общество путем *возвращения к более примитивным производительным силам, чем индустриальные*, то в силу угрозы гибели человечества нельзя останавливаться на полпути - придется возвращаться не к сохе, не в избу, а уж сразу в пещеру, к каменному топору. Только вернувшись к тому уровню развития производительных сил, на котором люди добывали себе пропитание исключительно охотой и собирательством, можно вновь воссоздать настолько замкнутые и настолько маленькие общины, чтобы каждая из них была самодостаточным обществом, все члены которого совместно управляют своими делами, а если им вдруг оказываются нужны руководители, то плотно контролируют этих руководителей и, если надо, без всяких проблем смещают их и выбирают себе новых.

Но кому это надо - возвращаться в пещеры? Кто пойдет туда вслед за Магидом и прочими его единомышленниками-анархистами?..

Однако вернемся к тому, с чего мы начали говорить о Магиде и аргентинских анархистах, - к вопросу: **"Возможно ли вообще, чтобы человечество, ставшее в XX веке единым социальным организмом, состоящим из нескольких миллиардов человек, превратилось в общество с преобладающими отношениями коллективного управления на уровне производительных сил не ниже современного? Как именно это возможно?"**

Под "современным уровнем производительных сил" мы имеем в виду тот уровень развития, который был достигнут производительными силами в результате *Научно-технической революции (НТР)*, то есть *после второй мировой войны*. То, что до НТР переход к бесклассовому обществу начаться никак не мог, и что Маркс и марксисты ошибались, полагая обратное, давно уже доказано в статье В. Бугеры "Компьютеризация как предпосылка социалистической революции", опубликованной в журнале "Альтернативы" (№3, 1999) и в книге "Теория и практика коллективизма" (2002):

"Чтобы ответить на вопрос: "Почему и через почти восемьдесят лет после Октябрьской революции капитал господствует над миром?" - последовательный приверженец исторического материализма прежде всего попытается выяснить: а достаточен ли был уровень развития производительных сил человечества (начиная с наиболее высокоразвитых

стран) в 19 - первой половине 20 века для того, чтобы пролетарии оказались способными организовать управление производством, распределением и обменом со стороны всего общества в целом (и тем самым перестать быть пролетариями)?

Карл Маркс писал о предпосылках грядущей пролетарской революции:

“Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют” (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 23, стр. 772 - 773).

Однако достаточно ли процесс капиталистического производства объединил, обучил и организовал к началу 20 века рабочий класс, чтобы тот стал способен не только “экспроприировать экспроприаторов” – отнять у капиталистов средства производства – но и удержать завоеванное в своих руках, наладить управление экономикой и не выпускать управленцев из-под своего контроля, не допускать превращения их в новых эксплуататоров? Присмотримся повнимательнее к тому, *каким* делал рабочего процесс производства в 19 – первой половине 20 века.

Действительно, труд на фабрике – это кооперированный труд. Конечный продукт такого труда есть плод усилий множества людей, не просто последовательно обрабатывавших сырье, но *совместно* – не то что, скажем, портной, шьющий одежду из материи, сотканной каким-то ткачом где и когда угодно – работавших над его превращением в готовое изделие. Однако фабричные рабочие, взаимодействующие друг с другом в процессе труда, почти не взаимодействуют друг с другом в процессе *управления* этим трудом. Представьте себе рабочего, стоящего за станком. К нему регулярно поступает сырье – то, что ему следует обработать; он проделывает определенные операции, и продукт его труда уходит к другим рабочим, для которых в свою очередь становится сырьем, требующим дальнейшей обработки. То, что творится за соседними станками, он не знает; в то, чем занимаются другие рабочие, он не вмешивается. Да ему и не надо вмешиваться: для этого ему придется отвлекаться от своего рабочего места, а это снизит производительность труда не только его лично, но и всей фабрики – труд-то кооперированный. Процесс труда, в который вовлечены рабочие всей

фабрики, един, но каждый рабочий управляет только маленькой каплей в этой реке общего труда – своим собственным трудом на своем рабочем месте. Чтобы управлять всем процессом работы фабрики, взятым в целом, нужен кто-то, стоящий над рабочими и командующий ими.

Сказанное выше не означает, что промышленные и сельские рабочие до второй половины 20 века никогда, нигде и ни в каких случаях не взаимодействуют в процессе управления своим трудом. Напротив, таких примеров масса. Однако, во-первых, группы рабочих, которые *вмешиваются в дела друг друга* – постоянно обмениваются информацией, советуются, принимают общие решения в процессе работы – не могут быть очень велики: попробуйте представить себе хотя бы двадцать человек, которые попытались бы работать таким образом! Поэтому группы такого рода – например, бригады – обычно очень немногочисленны, причем, по общему правилу, чем сложнее и квалифицированнее труд, тем меньше эти группы. Загонять мамонта, перекликаясь друг с другом, могут и сто человек, а вот организовать работу в цеху машиностроительного завода таким образом не получится. Итак, во-вторых, роль взаимодействия между рабочими в процессе управления их трудом обычно была высока в отсталых, чисто ручных или мало механизированных видах производственной деятельности (и то не во всех – например, в ремесленном домануфактурном производстве она была не выше, чем на мануфактуре и фабрике). Одно дело – артель плотников, и совсем другое – сборщики автомобилей на фордовском конвейере. Короче говоря, взаимодействие рабочих в процессе управления своим трудом хотя и имеет место в экономике, главную роль в которой играет крупное машинное производство, но не преобладает в отношениях между рабочими во время работы, присущих такой экономике. Эти отношения характеризуются прежде всего не взаимными контактами, а одиночеством рабочих, управляющих своими действиями, по отношению друг к другу – и в первую очередь это касается промышленных рабочих, то есть большинства и главной части всех рабочих вообще. Хотя, к примеру, шахтеры объединены в бригады, но в масштабе всей шахты они все равно представляют собою толпу одиночек. Чтобы при таких условиях управлять фабрикой, шахтой, большим рыболовецким судном, а тем более экономикой страны, нужны начальники, превращающие действия толпы одиночек-рабочих в единый, слаженный, бесперебойный процесс производства.

Нам часто приходится встречать словосочетания: “трудовой коллектив”, “коллектив предприятия” и т. п.. В русском языке словом “коллектив”, как правило, называется не всякая группа людей, но такая, связи между членами которой не исчерпываются командованием и подчинением. Между членами группы обязательно должно быть заметно взаимодействие в процессе управления их деятельностью – обмен информацией, совещания, совместная выработка единых решений, одним словом то, что называется “отношениями сотрудничества и взаимопомощи”, - чтобы эта группа была названа людьми, говорящими на русском языке, коллективом. Казалось бы, ясно, что как научный термин “коллектив” можно относить лишь к тем группам, в которых отношения сотрудничества и взаимопомощи доминируют, оттесняя на задний план или вовсе вытесняя отношения командования и подчинения. Однако это слово так и не получило строго научной определенности – и вот “коллективом” оказывается и армейская часть, и заключенные концлагеря, и рабочие завода. На самом же деле то, что следует называть коллективом –

если наконец сделать это слово научным термином – как раз отсутствовало на предприятиях до второй половины 20 века, да и сейчас отсутствует на большинстве предприятий. *Мануфактура, а за ней – крупное машинное производство кооперируют труд, но не объединяют рабочих в коллектив.*

Не объединенные в коллектив рабочие не могут принимать управленческих решений. Может быть, они по крайней мере могут контролировать своих руководителей, выбирать их и сменять, и эти перевыборы не будут лишь декорацией, ширмой, за которой простачки не видят манипулирование подчиненными со стороны их начальников? Однако для того, чтобы контроль над начальством реально осуществлялся – а без этого перевыборы руководства будут подобны шагам слепого, направляющегося туда, куда его подтолкнут, хотя бы и к пропасти, - рабочим необходимо совместно отслеживать информацию о работе руководителей, обсуждать ее, принимать по поводу нее общие решения. А для этого им надо составлять собою коллектив.

Представьте себе хотя бы тысячу человек – рабочих сравнительно небольшого предприятия – пытающихся контролировать администрацию этого предприятия. Допустим даже, что все они обладают достаточным образованием и специальными навыками, чтобы разобраться в технических, бухгалтерских и всяких прочих документах, и притом имеют свободный доступ к этим документам. Что из всего этого выйдет? Во-первых, рабочим нужно иметь гарантию, что от них не скрыли важные документы или что им не подсунули какую-нибудь липу. Значит, нужно, чтобы несколько человек, избранных ими, более-менее постоянно торчали в конторе – иными словами, нужны контролеры. На какое-то время это решит проблему, но потом она станет вдвое сложнее – помимо вопроса о контроле над начальством, встанет вопрос о контроле над контролерами. Во-вторых, чтобы обсудить информацию о работе администрации предприятия, рабочим нужно будет часто проводить общие собрания – чем реже они будут это делать, тем менее действенным будет их контроль, тем реже они будут вмешиваться в работу администрации и тем легче будет начальству спрятать все концы в воду и плотно обмотать рабочим уши лапшой на очередном... ну, скажем, квартальном или полугодовом собрании. Итак, нужны частые общие собрания. Представляете себе тысячу человек, каждый из которых считает, что именно он знает решение обсуждаемой проблемы, и изо всех сил стремится убедить в этом других? В этом случае возможны два варианта: либо все стремятся перекричать друг друга, поднимают гвалт на всю округу и не добиваются никакого толку; либо желающие выступают по очереди, собрание затягивается на всю ночь, к утру утомленные участники едва на ногах держатся – а между тем решение не принято, собравшиеся еще не успели как следует обдумать все сказанное ораторами, на повестке дня (вернее, ночи) остаются еще два-три вопроса, а первые лучи восходящего солнца уже возвещают о приходе нового рабочего дня. А мы ведь предположили, что *такие собрания часты!* Заменить общие собрания собраниями представителей цехов? В этом случае к проблеме контроля над начальством и контролерами добавится проблема контроля над представителями. Невесело, правда? А ведь мы до сих пор говорили о том, как рабочие пытались бы контролировать начальников только в масштабах сравнительно небольшого предприятия. Что уж тогда говорить о масштабах страны, а тем более – всего мира...

Мы видим, что даже при условии образованности рабочих, достаточной для того, чтобы каждый из них мог разобраться в документах администрации, они не могут эффективно контролировать свое руководство даже на уровне сравнительно небольших предприятий, если не образуют собой коллектива. Прежде всего им мешают стать коллективом строение и физиология человеческого организма: чем больше людей собирается вместе, тем труднее им общаться между собой и тем больше времени отнимают у них попытки договориться друг с другом. Чтобы преодолеть этот барьер, не обойтись без технических средств, которые позволяли бы очень большому числу людей получать одну и ту же информацию, обмениваться информацией и принимать общие решения в течение не больших промежутков времени, чем те, которые уходят на обсуждение и принятие общих решений без всяких технических средств у нескольких человек. В 19 – первой половине 20 века развитие производительных сил еще не дало таких средств людям. А без них контроль рабочих над руководством и вообще самоуправление трудящихся возможно только на уровне очень маленьких предприятий, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные примеры, самый яркий из которых – баскское объединение кооперативов “Мондрагона” – представляет собой чудесную иллюстрацию того, что рост предприятия или системы предприятий превращает в фикцию даже самую полную из всех когда-либо существовавших производственных демократий. Фабричные рабочие не могли управлять – ни сами, ни через посредство контролируемых и при необходимости сменяемых снизу управленцев – ни экономикой, ни аппаратом насилия над враждебными слоями общества, ни какой-либо другой сферой общественной жизни или общественной организацией. То, что писал Ленин в “Государстве и революции”:

“Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились “бюрократами” и чтобы поэтому *никто* не мог стать “бюрократом”” (В. И. Ленин. ПСС, 5-е изд., т. 33, стр. 109),

-

оставалось на данном уровне развития производительных сил благим, но несбыточным пожеланием”.

Когда людей слишком много, а стоящие перед ними проблемы слишком сложны, они могут коллективно, без (или почти без) деления на начальников и подчиненных управлять собой только при том условии, если в их распоряжении будут такие средства обработки информации, которые позволяли бы очень большому числу людей получать одну и ту же информацию, обмениваться информацией и принимать общие решения в течение не больших промежутков времени, чем те, которые уходят на обсуждение и принятие общих решений без всяких технических средств у нескольких человек.

Важно понять, что для превращения всего человечества в единое бесклассовое общество без таких технических средств обработки информации

не обойтись никак. *Какую систему отношений управления ни изобретай и ни пытайся внедрить, как ни экспериментировать с "федерациями" и "конфедерациями" больших или малых равноправных общин, как ни распределяй полномочия между выборными представителями общин и объединений общин, выполняющими роль координаторов, какие права контроля (да хоть стопроцентные, абсолютные) над своим выборным представителем ни закрепляй за общиной или объединением общин - все равно при отсутствии охарактеризованных выше средств обработки информации отношения авторитарного управления в обществе будут многократно преобладать над отношениями коллективного управления.* Этого мыслимо избежать лишь одним способом - разбить человечество на *крайне* маленькие общины, настолько замкнутые и самодостаточные, что каждая из них была бы сама по себе обществом. Но для этого, как уже было сказано выше, было бы необходимо вернуться к каменному топору.

Откуда же взять такие средства обработки информации?

А над этим уже не надо ломать голову - *такие технические средства уже есть.* После второй мировой войны они были созданы тем самым техническим прогрессом, который так не любят многие анархисты. НТР породила такие компьютерные системы, как ГПС (гибкие производственные системы) и GRID, которые допускают использование себя для осуществления коллективного управления с не меньшим успехом, чем для авторитарного управления. Компьютерные системы типа GRID *вполне реально позволяют нескольким миллиардам человек стать единым коллективом, члены которого могут совместно, без деления на начальников и подчиненных, обсуждать сложные проблемы и выработать по ним единые совместные решения в течение считанных часов.*

Это утверждение очень подробно доказано и обосновано фактами в цитированной выше статье Бугеры "Компьютеризация как предпосылка социалистической революции", а также в первом очерке его же книги "Собственность и управление". Каждый читатель нашего журнала может легко убедиться в этом, купив у распространителей последнего книгу "Теория и практика коллективизма" или заглянув в Интернет, по адресам <http://www.left-dis.nl> (список русскоязычной литературы, раздел "Дискуссии", № 10, вышеупомянутая статья) и http://www.ogbus.ru/authors/Bugera/Bugera_1.pdf (книга "Собственность и управление"). Сейчас же сделаем небольшое отступление, чтобы рассмотреть некоторые очень неприятные для анархистов выводы, следующие из приведенного выше утверждения.

Если до второй половины XX века начало перехода от классового общества к бесклассовому было невозможно в принципе, как невозможен заход солнца на востоке, то отсюда следует, что революция 1917-1922 гг. могла иметь лишь два мыслимых исхода: либо возвращение старых эксплуататоров, либо превращение лидеров революционных масс в новых эксплуататоров, воцарившихся вместо старых. При этом достаточно очевидно, что последний вариант был связан с победой большевиков, а первый - с победой белогвардейцев или всяких прочих буржуазных националистов, а также поддерживавших их войск иностранных держав.

Как нам оценивать эти два варианта развития событий, если смысл нашей жизни - в том, чтобы способствовать переходу человечества к бесклассовому обществу? - Исходя из сказанного выше, нам надо посмотреть, какой из этих двух вариантов *больше способствовал бы развитию науки и техники, ведущему*

к созданию компьютеров и компьютерных систем - и оценивать предпочтительность одного из этих двух вариантов именно с такой точки зрения.

Нетрудно доказать, что сильное эксплуататорское государство, возникшее в результате победы большевизма, не только завершило индустриализацию бывшей Российской империи, но и, будучи соперником других эксплуататорских государств, своим давлением заставляло их интенсивнее развивать свои производительные силы - и тем самым очень способствовало тому великому размаху, с которым после второй мировой войны развернулась НТР. Подробнее об этом см. в третьем очерке книги "Собственность и управление".

Нетрудно также доказать, что в результате победы буржуазной контрреволюции на территории бывшей Российской империи возникло бы нечто более рыхлое, чем СССР, и в отличие от последнего не способное обеспечить столь же полную индустриализацию экономики и столь же сильную конкуренцию другим эксплуататорским государствам (хотя и это рыхлое образование обеспечивало бы жесточайшую эксплуатацию пролетариев). Короче говоря, было бы нечто похожее на нынешние осколки СССР... Понятно, что *такая* эксплуататорская государственность не могла бы столь же эффективно, как СССР, способствовать развитию новых информационных технологий во всем мире - просто потому, что не могла бы столь же интенсивно развивать свой военно-промышленный комплекс, как это делал СССР.

Это сейчас, когда компьютеры и компьютерные системы *уже существуют*, дальнейшее развитие эксплуататорских военно-промышленных комплексов утратило всякое прогрессивное значение для человечества. А еще пятьдесят и даже сорок лет назад развитие производства даже таких страшных вещей, как ядерное оружие, приносило человечеству, наряду со смертельным риском, также и *огромную пользу* - в ходе этого развития создавались компьютерные технологии и системы, которые сегодня стали уже готовой базой для начала перехода к коллективистскому, бесклассовому и безгосударственному обществу (о том, почему в современном классовом обществе основной движущей силой модернизации всей техники неизбежно является модернизация оружия, см. третий очерк книги "Собственность и управление"). Отсюда следует: хорошо, что возникло такое государство, как СССР. А отсюда, в свою очередь, следует, что победа большевиков в революции 1917-22 гг. - великое благо для всего человечества.

А теперь рассмотрим с этой точки зрения антибольшевистские восстания, прокатившиеся по России накануне введения нэпа - знаменитое восстание кронштадтских матросов, восстание крестьян на Тамбовщине под руководством правого эсера Антонова и многие другие. Анархисты из всех сил пытаются доказать, что это была борьба эксплуатируемых классов, уже создававших зародыши общинного (мы скажем - коллективного) самоуправления, против новых "красных" буржуев. Судя по всему, в большой степени так оно и было, хотя анархисты, по-видимому, преувеличивают эту степень. Но не будем спорить с ними - допустим на минуту, что эта борьба была стопроцентной борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров, и кулачество как класс никакой роли в ней не играло. Допустим это. Однако вспомним то, о чем мы говорили выше - что другой альтернативы победе большевиков, кроме победы всяких беляков, петлюровцев и союзных им интервентов, просто не было. Вспомним, что никакой анархический порядок, никакое коллективистское самоуправление до появления компьютерных систем типа GRID никак не могли утвердиться в мало-

мальски широком масштабе - и, следовательно, победа кронштадтских матросов и крестьянских повстанцев над большевиками *неизбежно* привела бы к возвращению старых господ, и никакое самоуправление на уровне отдельных сел или городских районов не смогло бы предотвратить этого. Вспомним также, что эти старые господа гораздо меньше способствовали бы восхождению производительных сил *всего человечества* на ту стадию, когда началась НТР и появились компьютеры, чем этому способствовали большевики... Что из всего этого следует? - Да то, что те восстававшие против большевиков матросы и крестьяне, которых так любят анархисты, *объективно боролись против перехода человечества к бесклассовому обществу*. И поэтому очень хорошо, что Красная Армия раскатала их в лепешку.

Это вовсе не значит, что такие антибольшевистские повстанцы, как кронштадтские матросы и крестьяне-антоновцы, заслуживают ненависти, презрения, клеймения и уничтожения со стороны пролетарских революционеров. Скорее, их стоит пожалеть - хотя и при этом одобрить их уничтожение. *Субъективно* они были борцами против эксплуатации и угнетения. Одни революционеры восстали против других революционеров. Брат пошел на брата.

В истории бывают моменты, когда нужно, чтобы один брат уничтожил другого.

Но нас, коллективистов, могут спросить: если вы считаете, что до появления компьютеров СССР играл прогрессивную историческую роль, то почему же ГПРК - или, по крайней мере, большинство ГПРК - считает подлинно пролетарско-революционной позицией во Второй мировой войне позицию "против всех сторон в равной мере, за восстание во всех воюющих государствах" (иными словами, позицию "революционного пораженчества на все стороны")? Не логичнее ли было бы поддержать (хотя бы "критически", как троцкисты) СССР и его союзников?

До конца 90-х гг. автор этих строк сам так думал. Но затем, накануне и вскоре после создания ГПРК, постепенно изменил свою точку зрения (кстати, спасибо Марлену Инсарову за его благотворное влияние, помогшее мне это сделать). И вот почему.

Пока СССР еще только формировался в бурях революции и гражданской войны, его надо было защитить любой ценой - в том числе и ценой подавления кронштадтского бунта 1921 г. и крестьянских восстаний. Но как только он сформировался (т. е. как только революция закончилась - вехой здесь является введение НЭПа), *настала пора испытывать его на прочность* - и повернуть против него штыки, и подбивать эксплуатируемых трудящихся на восстание против него. *Пока СССР не утратил своей прогрессивности, ему бы это не повредило* (его бюрократия все равно подавила бы все попытки восстаний - как это, собственно, и происходило); *а если бы новое восстание произошло и СССР бы рухнул, то это означало бы, что он утратил свою прогрессивность, а с нею и жизнестойкость - а следовательно, туда ему и дорога*. Иными словами, после введения НЭПа любые попытки распропагандировать и организовать эксплуатируемые классы Советского Союза на новую революцию никак не помешали бы последнему играть свою прогрессивную роль, зато более-менее помогли бы его разрушению после того, как его прогрессивная роль исчерпалась бы. Конечно, этот парадокс выглядит жутко шизовым: сперва СССР надо было помочь родиться, защитить его от всего, что могло бы убить его в зародыше, а как только он родился, надо было начать его подрывать, - но этот парадокс не

высосан нами из пальца, а рожден реальной, живой диалектической жизнью. Что ж поделаться, если диалектика жизни классового общества такая абсурдная...

Вот почему ГПРК считает своими прямыми предшественниками *децистов* - то течение в большевизме (Платформу демократического централизма), которое именно так и поступало, как было сказано выше: до введения НЭПа будущие децисты не отделяли себя от партии большевиков (в том числе и тогда, когда подавлялись восстания в Кронштадте, на Тамбовщине и пр.), а с введением НЭПа они тут же стали выступать за создание новой революционной партии, за новую революцию.

И если бы у децистов и других более-менее революционных групп хватило сил дожить до Второй мировой войны, а во время нее подбить солдат Красной (позднее - Советской) Армии повернуть штыки на Кремль, то это означало бы, что бюрократия СССР утратила свою жизнестойкость, *а значит, и прогрессивную роль* (одним из проявлений которой и является жизнестойкость) - а значит, заслуживала того, чтобы быть свергнутой. В то же время это означало бы, что революционеры обнаружили достаточно сил, чтобы создать новое, более прогрессивное государство - которое, кстати, помогло бы солдатам фашистских армий развернуть свои штыки на Берлин, Рим и т. д.

Ничего подобного не произошло - а значит, СССР и владевшей им бюрократии погибать еще было рано. *Однако это вовсе не является доводом против позиции "революционного пораженчества на все стороны"*: эксплуататорские государства надо (после того, как заканчиваются революции, порождающие их) *постоянно* проверять на прочность - *чтобы хорошенько натренироваться и закалиться к тому моменту, когда они уже утратят свою прогрессивную роль*. Позиция "революционного пораженчества на все стороны во Второй мировой войне" актуальна *как урок на будущее*, она суть не вопрос исторической науки, но *руководство к революционному действию в грядущих империалистических войнах*. Именно поэтому мы и пропагандируем ее сегодня, хотя Вторая мировая война закончилась более полувека назад.

Вернемся, однако, к нашим анархистам.

Вадим Дамье и Михаил Магид, с которыми непосредственно и идет спор в данной статье, разделяют веру Кропоткина в то, что людям присущ биологический инстинкт взаимопомощи (см.: П. А. Кропоткин. Анархия. М., Айрис-пресс, 2002). Дамье неоднократно говорил мне об этом лично; что же касается Магида, то он отразил сходство своих взглядов с кропоткинскими в цитированной выше статье из журнала "Наперекор" (стр. 29, 41 цит. ном.). Именно исходя из представления об инстинкте взаимопомощи, Дамье и Магид делают вывод, что антибольшевистские крестьянские восстания и кронштадтский бунт 1921 г. могли завершиться формированием бесклассового, безгосударственного общества.

Критику мифа об инстинкте взаимопомощи мы отложим до следующего номера "ПР". Сейчас же следует подчеркнуть вот что:

*Есть ли у людей инстинкт взаимопомощи, нет ли его - все равно **большое количество** людей **никак не может** коллективно управлять собой, если в распоряжении этих людей нет подходящих компьютерных систем. Если людей слишком много, а стоящие перед ними проблемы слишком сложны, то никакие гены, никакие личные качества не возместят этим людям отсутствия технических средств, позволяющих миллиардам мозгов функционировать как клеточкам единого мозга.*

К этому необходимо добавить, что *даже тогда, когда подходящие для коллективного управления компьютерные системы уже существуют, удерживающие политическую власть буржуа будут использовать эти системы для своего авторитарного управления - и никак не позволят пролетариям использовать компьютерные системы для создания своей коллективной классовой организации, действующей столь же быстро и скоординированно, как и авторитарные буржуазные организации (государство, партии и пр.).* Какой же вывод следует отсюда? - А очень простой: действовать так же быстро и скоординированно, как и буржуйская армия, полиция и пр., может только такая организация пролетариата, внутри которой преобладают отношения *авторитарного управления. Победить авторитарную машину можно, лишь самим организовавшись авторитарно; клин можно вышибить не иначе, как другим клином.*

Разумеется, это не значит, что революционная организация пролетариата, способная победить буржуазное государство, должна быть *стопроцентно авторитарной*. Нет, в ней должна быть и какая-то примесь отношений коллективного управления - *но эта примесь не должна преобладать; наибольшую долю должны составлять все же отношения авторитарного управления.* Это значит, что переизбираться своими подчиненными в такой организации будут не все руководители, а те, что будут переизбираться, смогут быть переизбранными не в любой момент, а лишь через определенные промежутки времени; члены партийной организации смогут принимать коллективно, помимо своего руководителя, далеко не всякое решение - и т. д. Такая смесь авторитарных и коллективных отношений, при преобладании авторитарных, с ленинских времен называется *демократическим централизмом*.

Надо четко и ясно понимать, что отнять у эксплуататоров власть возможно *только в ходе гражданской войны*. В начале такой войны эксплуататоры *всегда* будут лучше технически оснащены, чем эксплуатируемые. Поэтому свергнуть буржуев революционным пролетариям удастся *только* в том случае, если они будут действовать, *как единая армия* - то есть не менее быстро и согласованно, чем их противники. Это значит, что *уже под властью капиталистов* - которые, понятное дело, не позволят пролетариям применять компьютерные системы для коллективного самоуправления - революционные пролетарии должны суметь сорганизоваться в такую единую, согласованно действующую армию. И раз буржуи никак не позволят этой армии быть *коллективом*, то она *неизбежно* станет *авторитарной*, "демцентралистской" армией. Здесь только один выбор: либо превращение повстанцев в такую армию, либо поражение пролетариата.

Именно поражение выбирает - объективно, независимо от того, желает ли он этого или нет - Михаил Магид, когда в своей статье "Глобализация и новые формы сопротивления" (<http://www.left-dis.nl> , список русскоязычной литературы) пишет:

"Возможно, будущее за децентрализованными структурами сопротивления на базе небольших тесно спаянных местных коллективов..."

(То, что он добавляет: **"...способных как к локальным действиям по конкретному поводу, так и к широкой международной кампании, благо, современные средства коммуникации позволяют координировать усилия не только транснациональному капиталу"**, - не меняет дела, так как словечко "децентрализованные" превращает все проекты "широких международных

кампаний" в совершенно безобидные для системы тусовочные акции: ничего более существенного скоординировать в международном масштабе, даже при помощи Интернета, *без авторитарного управления*, т. е. без той самой "централизации", просто не получится, поскольку *действительно* позволяющие наладить регулярное коллективное управление системы, типа GRID, не доступны и не будут доступны пролетариям до того, как последние не свергнут политическую власть буржуев.)

Точно так же выбирает поражение и редакция журнала "Автоном", когда в № 20 (стр. 8) перепечатывает документы (с которыми соглашается) индийского движения "Камунист Кранти" ("Коммунистическая Революция"), где из того факта, что созданные рабочими авторитарные организации всегда перерождались и превращались в орудия власти буржуазии, делается такой вывод: надо отказаться от **"больших, однофокусных мероприятий и конфликтов"** и раздробить классовую борьбу пролетариата на мелкие, разрозненные локальные акции, которые **"ведет каждый наемный работник, индивидуально или коллективно в небольших группах без лидеров"**. **"Коммунистическая практика и лидерство несовместимы"**, - утверждает "Камунист Кранти".

Название этого движения было бы точнее перевести так: "Коммунизму кранты". Кранты перспективе бесклассового, безгосударственного общества, если борьба за него будет вестись по рецептам "Камунист Кранти" и М. Магида. С разрозненными малыми группами пролетариев тоталитарная машина современного монополистического капитализма будет расправляться, как повар с картошкой: даже во времена свободно-конкурентного капитализма - когда у буржуев еще не было таких всеохватывающих орудий экономической, политической и духовной власти, как сейчас, - капитал с легкостью подавлял подобное сопротивление рабочих; а что уж говорить о сегодняшнем дне... Да и интегрировать многие из таких малых групп в буржуйскую политическую систему довольно просто: на то есть такие "спонтанные" движения, как, например, антиглобалистское.

За все время существования рабочего движения - грубо говоря, за последние двести лет - отнять политическую и экономическую власть у буржуев больше, чем на год, и больше, чем в отдельно взятом городе или районе, пролетариату удалось лишь однажды: в бывшей Российской империи, в конце 1917-1922 гг. Сделано это было с помощью нелегальной демцентралистской партии, которая, благодаря тормозившему развитие буржуазной политической системы российскому самодержавию, так и не была переварена в парламентско-профсоюзном котле. Правда, потом лидеры большевиков стали новыми эксплуататорами -

потому, что в те времена не было компьютеров.

А если бы в те времена уже существовали нынешние компьютерные технологии, то восставшие и победившие пролетарии не выпустили бы из своих рук производительные силы, отнятые ими у буржуев. Они начали бы налаживать компьютеризованный контроль за избираемыми ими руководителями - поначалу еще несовершенный, но чем дальше, тем более плотный и всеохватывающий, *тотальный*. Переставая быть подчиненным классом и во все большей мере реально распоряжаясь производительными силами, трудящиеся *не имели бы стимула разоружаться*: отдать свое оружие начальнику готов только тот, кто

неспособен контролировать этого начальника и не видит для себя другого выхода, кроме как подчиниться ему. Итак, трудовой народ остался бы вооруженным - а это значит, что *когда трудящиеся убедились бы в том, что партии большевиков, левых эсеров и др. уже больше не нужны им как средства классовой борьбы, то эти партии удалось бы относительно легко (хотя и не совсем бесконфликтно) распустить* (причем часть функционеров этих партий искренне поддержала бы идею их самороспуска): что могли бы противопоставить вооруженным трудящимся, все более сплывающим в малые и большие коллективы, партийные чиновники (и даже не все, а лишь часть их), у которых *под рукой не будет никакой вооруженной силы, обособленной от этих самых трудящихся?..*

Из вышесказанного следует такое заключение:

если достигнут такой уровень развития производительных сил, при котором в масштабах всего человечества как единого социального организма становится возможным размытие деления общества на начальников и подчиненных, то организация революционных пролетариев в децентрализованный партию перестает неизбежно приводить к последующему их подчинению новым эксплуататорам - партийным боссам. Напротив, закономерным становится то, что после свержения буржуев пролетарии рано или поздно ликвидируют ту партию, без которой они не смогли бы свергнуть власть капитала, но которая после этого становится ненужной.

Это значит, что на вопрос, поставленный в начале данной статьи - а были ли так уж неправы большевики, стремясь руководить пролетариатом в его борьбе с буржуазией? - можно ответить так:

- 1) в свое время они были совершенно правы, потому что иначе буржуев никак нельзя было победить;
- 2) победа большевиков хотя и не положила начало переходу к бесклассовому обществу (а до появления компьютеров *ничья* победа не могла положить начало переходу от авторитарного общества к коллективизму), однако, подталкивая научно-технический прогресс во всем мире, способствовала появлению компьютеров и компьютерных систем - а значит, все-таки приблизила человечество к выходу из классового общества; поэтому большевики хорошо сделали, что в свое время возглавили пролетарскую революцию;
- 3) и в наше время нужно стараться создать децентрализованную - то есть достаточно авторитарную, руководимую профессиональными революционерами - партию, подобную большевистской, которая, когда придет время, сумеет возглавить пролетариат. *При этом надо изо всех сил добиваться того, чтобы эта партия никак не интегрировалась в буржуазную политическую систему: не лезла бы в парламент, бойкотировала бы любые выборы в органы власти, не сотрудничала бы с аппаратом легальных (в том числе и оппозиционных) профсоюзов.* Без этого буржуев никак не свергнуть; а когда капиталисты будут побеждены, современные пролетарии, в отличие от своих предшественников, смогут избавиться от уже ненужной революционной партии.

Говоря обо всем этом, надо выйти за рамки тех схоластических дискуссий, в которых давным-давно погрязли анархисты и марксисты. Хватит спорить о том, сам ли пролетариат вырабатывает свое революционное сознание, или оно привносится в него извне профессиональными революционерами - давайте

сперва отнимем у буржуев власть, а потом уж посмотрим, в какой степени революционное сознание пролетариата сформировалось в процессе этой борьбы им самим, а в какой степени его привнесли извне революционные идеологи. Оставим споры о том, спонтанно ли осуществит пролетариат свержение буржуйской власти или по инициативе авангардной партии, до того времени, когда буржуи уже будут свергнуты - а сейчас давайте поговорим конкретно о том, какая именно комбинация отношений коллективного, авторитарного и индивидуального управления внутри революционной организации и между нею и остальными пролетариями оптимальна для победы над буржуазными организациями. Споры же типа того, оправдывает ли цель средства или нет, имеют ли революционеры моральное право объявлять себя авангардом пролетариата или нет, и тому подобную фигню вообще пора основательно и бесповоротно забыть. Хватит заниматься философствованиями о таких абстракциях, как "авангард пролетариата", "самоорганизация пролетариата", "спонтанная активность пролетариата" и т. п. - пора вести разговор об организации и действиях революционеров в русле позитивной науки об отношениях управления. В таком разговоре "по делу" очень пригодится концепция трех типов отношений управления - индивидуального, авторитарного и коллективного, - изложенная в книге "Собственность и управление". Кстати, эта концепция позволяет гораздо глубже и точнее исследовать системы отношений управления в реальных группах людей, чем поверхностные понятия "централизм" и "федерализм", не позволяющие достаточно точно определить, *до какой именно степени* те или иные члены группы участвуют в управлении ее действиями.

* * *

Чтобы продолжать разговор о предстоящем переходе человечества к коллективизму не в стиле "если бы, да кабы", а в форме конкретных - *то есть как можно более однозначных* - прогнозов, способных служить ясным и определенным руководством к действию, выясним, какие именно условия с *необходимостью* обуславливают этот переход.

Начнем с того, что большие пролетарские восстания в наше время могут быть порождены *только* большими войнами - и цепочка таких войн, *третий империалистический передел мира, неизбежно состоится*. Почему третья мировая война неизбежна - об этом подробно говорится в третьем очерке книги "Собственность и управление" (в издании, вышедшем в "Науке" - стр. 240-245); почему она будет представлять собой не единую всемирную войну, но цепочку больших локальных войн - см. там же (стр. 254-261), а также статью "Пора стать "нигилистами" в национальном вопросе" в книге "Идеология коллективизма". А вот на том, почему только большие войны могут вывести современных пролетариев из политической апатии и подтолкнуть их к бунту, следует остановиться поподробнее.

В апреле 1997 г., в статье "Албанское восстание - пролог мировой революции", я так охарактеризовал одну из причин тогдашнего славного восстания албанских пролетариев и мелких буржуа:

"...современное албанское общество всё еще затронуто индустриализацией меньше, чем любая другая европейская страна: рост городов, миграции населения из деревень в города, из одних городов в другие, расселение работающих на одном предприятии людей в разных концах

города, размельчение (нуклеаризация) семей в этом стране не зашли так далеко, как, скажем, в России. Не только в деревнях, но и в городах Албании соседи с детства знают друг друга—так же, как и их предки в нескольких поколениях; они не только живут рядом, но и связаны друг с другом узами родства, личной и семейной дружбы, работы на одном предприятии. В Албании редко встретишь обычную для крупных городов СНГ ситуацию, когда люди плохо представляют себе, кто их соседи по подъезду. В такой стране, как Албания, люди возмущаются не в одиночку, а совместно, и потому склонны, чувствуя поддержку близких, претворять свое возмущение в решительные действия, быстро приобретающие массовый характер. Если искра проскочит в одном доме—запылает квартал, вспыхнет квартал—загорится город; а много ли надо времени в маленькой стране с относительно высокой (на равнинах) плотностью населения, чтобы искры народного гнева разлетелись по всем городам? Албания – еще во многом страна XIX века; а в прошлом веке восстания крестьян и рабочих вспыхивали в странах Средиземноморья с легкостью необыкновенной..." (см.: Идеология коллективизма, 2003, стр. 32-33).

Недавно Марлен Инсаров написал фундаментальную статью "О причинах пассивности пролетариата" (см. <http://www.left-dis.nl> , русскоязычный список, раздел "Актуальность"), где подробно развил эту же точку зрения применительно ко всему мировому рабочему движению с момента его возникновения до наших дней. Эту точку зрения ГПРК в самом общем виде можно сформулировать так:

до тех пор, пока внутри небольших групп пролетариев сохранялись остатки отношений коллективного управления (которые присутствовали в докапиталистических сельских общинах - хотя и в гораздо меньшей мере, чем в первобытных общинах), пролетарии были гораздо более способны объединяться - хотя бы на локальном уровне - для революционного действия, чем в развитой индустриальной цивилизации, превращающей пролетариат в толпу чужих друг другу одиночек. Сплотить этих одиночек для борьбы с буржуазией может только сама буржуазия - вооружив их, объединив их в воинские части, послав их на большую империалистическую войну (которая сплотит этих одиночек узами окопного братства) и доведя их там до такого отчаяния, когда они потеряют страх перед "своим" государством и захотят выплеснуть свою ярость на тех, кто послал их на эту ненужную пролетариям войну.

При этом важно понять, что тосковать по утраченной доиндустриальной коллективности *нет никакого смысла*. Без компьютерных систем эти жалкие остатки первобытной коллективности все равно не помогли бы человечеству перейти к бесклассовому обществу (доказательством чему служат *все без исключения* восстания эксплуатируемых классов, когда-либо происходившие - и так никогда и не расчистившие людям дорогу к коллективизму) - *и если для достижения такого уровня развития производительных сил, на котором создаются компьютеры, было необходимо полностью разрушить сельскую общину и ее городские аналоги, то и черт с ними.*

Правда, здесь возникает вопрос: а с какой же стати пролетарии, отученные жизнью в современных городах от взаимопомощи и взаимоподдержки, вдруг начнут налаживать, после свержения буржуев, именно коллективистские отношения? - Но на это есть вот какой ответ.

Большие войны по всему миру означают большую разруху по всему миру. Более того, на современном уровне развития производительных сил цепочка

больших войн означает цепочку больших экологических катастроф по всему миру. Парадоксальным образом это означает, что *вместо разрушенных производственных мощностей и инфраструктуры будут построены новые объекты с применением новейших технологий* (как это, собственно говоря, и бывало после всех больших войн, происходивших со времен зарождения капитализма) - *а значит, послевоенные производство и быт будут гораздо более компьютеризованы, чем довоенные*. Так будет еще и в силу того, что *большие раны, нанесенные природе, можно будет залечить - а также начать взаимно приспособливать друг к другу развивающееся производство, окружающую среду и человеческий организм - только с помощью новейших технологий* (разумеется, замешанных на компьютеризации). Но вся штука в том, что *чем больше компьютерные технологии внедряются в производственный процесс, тем больше они требуют не авторитарного, а именно коллективного управления производственным процессом* - что можно видеть, изучая опыт внедрения ГПС (гибких производственных систем) на предприятиях (библиографию по этому вопросу см. в статье "Компьютеризация как предпосылка социалистической революции"). А это значит, что *сам производственный процесс после войны и свержения буржуев будет приучать пролетариев, перестающих быть пролетариями, к коллективному управлению*.

Современный монополистический капитализм, превративший пролетариев в толпу одиночек, воспитывает в них индивидуализм - и, *как один из компонентов индивидуализма, недоверчивость*. После свержения буржуев эта нехорошая черта характера *обернется своей противоположностью*: трудящиеся неизбежно будут относиться к избранным ими новым лидерам более недоверчиво, чем их более добродушные и дружелюбные предки в 1917-22 гг. - и, в силу своей недоверчивости, будут стремиться как можно сильнее контролировать своих лидеров, сменять их за малейшее упущение и принимать как можно больше решений вообще помимо лидеров, совместно, на равных... Собственно говоря, все победоносные восстания эксплуатируемых, какие только были в истории классового общества, показывают, что после победы трудящиеся поначалу стараются участвовать в управлении обществом - и лишь по мере того, как убеждаются, что большие массы не могут управлять собой коллективно, уступают всю руководящую роль своим лидерам, превращающимся в новых господ. В наше время большие массы уже *могут* управлять собой коллективно - с помощью компьютеров; что же касается *желания* управлять собой коллективно, то оно вырастет из недоверчивости к лидерам, порожденной современным авторитарным обществом. Таким образом, само это общество, формируя авторитарные характеры, закладывает в эти же характеры такие противоречия, которые со временем *неизбежно* взорвут само это авторитарное общество.

Для неизбежности именно такого хода событий есть и еще одно основание. Послевоенная разруха и потребность в технологическом рывке вперед (повторим еще раз: без такого рывка никак невозможно гармонизировать отношения между природой, людьми и их производством - разве что, как уже говорилось выше, вернуться в пещеры, к каменному топору; других альтернатив нет) вынудят трудящихся, свергнувших своих эксплуататоров, *экономить* ресурсы и затраты. А ведь именно *коллективный образ жизни - самый экономный образ жизни*. Во-первых, потому, что при преобладании отношений коллективного управления общество не будет расточать свои силы и средства на то, что нужно только эксплуататорам, но не нужно большинству членов общества - на избыточные

вооружения, на излишние проекты вроде египетских пирамид, заброшенных ныне сталинских узкоколеек на Севере или храма Христа Спасителя, наконец, на дорогостоящие предметы роскоши, единственное назначение которых состоит в повышении престижа их богатеньких владельцев. А во-вторых, потому, что *воспроизводство жизни данного количества людей, тесно сотрудничающих и помогающих друг другу, при прочих равных условиях требует меньше затрат, чем воспроизводство жизни того же количества людей, каждый из которых выживает в одиночку.*

Последнее утверждение очень наглядно иллюстрируется примером с воспитанием детей. Современное общество поделено на маленькие семьи, каждая из которых растит и воспитывает своих детей - а другим семьям до этого дела нет. И сколько же сил, времени и средств - и в виде самых разных выплат, и в виде налогов - приходится тратить каждой такой семье на прокорм, воспитание и обеспечение безопасности своих детей... А теперь представим себе трудовой коллектив какого-нибудь предприятия, живущий как община и воспитывающий всех своих детей совместно. Все взрослые по очереди, в свободное от работы время, приглядывают за всеми детьми, общаются с ними *на равных правах*; расходы на их прожитие и воспитание идут из "общего котла"; на всех детей этого коллектива из нескольких тысяч человек (разумеется, применяющего компьютерные системы для самоуправления - иначе никакого коллектива из нескольких тысяч человек не получится, а снова будет авторитарно управляемая группа) хватит трех-четырех профессиональных воспитателей для маленьких детей и десятка учителей - для детей побольше... Это же сколько средств, а главное, сил и времени будет сэкономлено взрослыми при таком воспитании! Да и дети не будут вырастать такими психологическими уродами, как в классовом обществе (особенно в современном, в котором исчезли последние остатки общинной коллективности, еще сохранявшиеся в докапиталистических сельских общинах), в котором дома их психику калечит монополярная власть двух-трех взрослых, практически не ограничиваемая другими взрослыми, в школе - чужой им начальник-учитель, а на улице - волчья стайка сверстников (среди которых царит один лишь закон силы, *потому что их семьи не связаны между собой узами взаимопомощи и взаимоподдержки* - узами, которые бы приучали сбивающихся в компанию детей видеть друг в друге братьев и сестер, а не просто зверенышей одного вида).

Итак, жить коллективно - экономнее, чем выживать в одиночку или существовать в авторитарно управляемой группе. В условиях послевоенной разрухи и экологических катастроф этот факт будет дополнительно подталкивать трудящихся, свергнувших своих эксплуататоров и *овладевающих компьютерными системами*, к установлению именно коллективных отношений управления.

* * *

В проекте "программы Коллективистской партии", опубликованном в книге "Теория и практика коллективизма", автор этих строк попытался очертить - разумеется, в порядке *прогноза*, а не навязываемой обществу *модели* - основные контуры общества, переходного от классового к коллективистскому:

"1. Коллективистская партия - это политическая организация революционного пролетариата.

Все ее цели и задачи вытекают из классовых интересов современного мирового пролетариата. Основная цель Коллективистской партии - это коренной классовый интерес пролетариата в политической сфере жизни общества: взятие пролетариатом политической власти в свои руки.

Первым условием достижения этой цели является как можно более полное разрушение эксплуататорского государственного аппарата. Овладеть этим аппаратом и использовать его в своих интересах пролетариат не может по двум причинам: во-первых, потому что интересы подавляющего большинства служащих этого аппарата неразрывно срослись с интересами эксплуататоров; во-вторых, потому что этот аппарат может управлять обществом только по принципу «сверху вниз, без или с малым контролем снизу» - а значит, неизбежно вырвется из рук пролетариев и превратится в силу, стоящую над ними. Поэтому Коллективистская партия выступает за то, чтобы сломать аппарат исполнительной государственной власти и лишить его чиновников права занимать руководящие должности во всех сферах жизни общества (допустимы лишь редкие исключения);

за то, чтобы разогнать парламенты и муниципалитеты и лишить их депутатов (за исключением депутатов от пролетарских революционных организаций) права занимать руководящие должности во всех сферах жизни общества;

за то, чтобы сломать постоянную - как профессиональную, так и построенную на основе воинской повинности - армию и профессиональную полицию, служившую эксплуататорским классам, а также эксплуататорскую судебную-карательную систему.

Коллективистская партия выступает за переход всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти в руки созданных пролетариями, в союзе с трудящимися из других эксплуатируемых социальных групп, комитетов самоуправления трудящихся. Комитеты самоуправления трудящихся (КСТ) - это органы, состоящие из депутатов, избираемых снизу - начиная с предприятий - по многоступенчатой системе (из представителей низших КСТ составляются высшие), по производственно-территориальному принципу; депутат КСТ любого уровня в любое время может быть отозван своими избирателями и заменен новоизбранным; зарплата депутата не должна быть выше средней зарплаты пролетария; аппарат исполнительной и судебной власти при КСТ отсутствует, поскольку КСТ будут не только принимать законы, но и исполнять их - текущей управленческой деятельностью на всех уровнях будут заниматься сами депутаты. Коллективистская партия выступает за то, чтобы количество назначаемых сверху должностных лиц (чиновников) в новой системе управления обществом было сведено до минимума и продолжало неуклонно уменьшаться вплоть до полного исчезновения.

Лозунг Коллективистской партии - депрофессионализация управления. Коллективистская партия борется за то, чтобы управление во всех сферах жизни общества стало повседневным делом всех и каждого. Компьютеризация производства и других видов человеческой деятельности создает техническую базу для того, чтобы трудящиеся постоянно контролировали деятельность своих депутатов в КСТ, а также принимали управленческие решения по различным вопросам непосредственно - помимо КСТ. Коллективистская партия выступает за то, чтобы в тех странах, где пролетариат возьмет политическую власть в свои руки, по

мере прогресса производительных сил распространялась практика «компьютерных референдумов», решения которых на том или ином уровне имели бы большую силу, чем решения КСТ того же уровня.

Коллективистская партия борется за:

1) бесплатное освоение всеми членами общества компьютерной грамотности на уровне, делающем каждого человека способным свободно освоить любую компьютеризованную сферу общественной деятельности;

2) бесплатное обеспечение создаваемых пролетариатом организаций современной техникой, позволяющей осуществлять контроль над любыми аппаратами управления в любом масштабе; открытие для пролетарских организаций доступа ко всем банкам данных всех компьютерных систем, связанных с управлением любой сферой жизни общества, невзирая ни на какие соображения «коммерческой» или «военной» тайны;

3) разработку программной базы и методов компьютерного контроля над всеми существующими и создаваемыми аппаратами управления в любом масштабе; бесплатное обучение методике такого контроля всех членов общества;

4) то, чтобы компьютеризация контроля подчиненных над руководителями и создание компьютерных систем, позволяющих большим массам трудящихся совместно принимать управленческие решения, стали приоритетным направлением в экономической политике после взятия пролетариатом политической власти.

После завоевания пролетариатом власти его вооруженной силой останется он сам. Коллективистская партия выступает за то, чтобы на базе рабочих дружин, созданных еще до революции, в процессе революции была создана вооруженная организация всех (исключая предателей своего класса) способных носить оружие пролетариев, а также представителей других поддерживающих революцию слоев общества, позволяющая трудящимся хранить у себя дома оружие и проходить военную подготовку без отрыва от «штатской жизни». Эта организация заменит собой постоянную армию и профессиональную полицию: охранять порядок и законность будут сами вооруженные трудящиеся, объединенные в отряды по месту своей работы и жительства. При этом профессиональную службу будет нести высший, средний и часть низшего командного состава новых вооруженных сил (только в этой сфере придется надолго сохранить принцип управления «сверху вниз, с малым контролем снизу»), солдаты тех родов войск, где требуется особая профессиональная квалификация, а также специалисты некоторых видов сыскной деятельности.

Система КСТ, созданная вооруженными пролетариями и их союзниками, не будет представлять собою государственную власть по отношению к своим создателям: по отношению к ним КСТ будут именно органами самоуправления. Зато по отношению к эксплуататорским классам и вообще ко всем слоям общества, по каким-либо причинам враждебным революции или не принимающим активного участия в классовой борьбе, система КСТ действительно будет выступать как внешняя сила, заставляющая повиноваться себе и применяющая насилие в случае непокорности, - как государственный аппарат. Таким образом, опирающаяся на вооруженный пролетариат система КСТ будет представлять собой пролетарское полугосударство; по мере того, как общество будет превращаться в бесклассовое, все то, что роднит систему

КСТ с государством, будет постепенно отмирать. Политический режим, который будет существовать в пролетарском полугосударстве, - диктатура пролетариата, - будет переходной стадией к уничтожению всякой политики и всякой диктатуры.

2. Главная задача захвативших политическую власть пролетариев - перестать быть пролетариями, то есть отнять у капиталистов и других эксплуататоров экономическую власть и взять, вместе с другими эксплуатируемыми классами, производительные силы в свою собственность. Тем самым производительные силы станут общественной собственностью, поскольку сегодня пролетарии сами по себе уже составляют большинство человечества, а вместе с другими эксплуатируемыми социальными группами - подавляющее большинство. Бывшим же эксплуататорам придется выбирать: либо гибель в бою за утраченную власть, либо растворение среди трудящихся, интеграция в единое бесклассовое общество.

Коллективистская партия выступает за присвоение трудящимися в лице КСТ земель и вод, за монополию трудящихся в лице КСТ на внешнюю торговлю с партнерами из эксплуататорских государств и банковское дело. В то же время Коллективистская партия отказывается от требования передачи всех средств производства в собственность пролетарского государства, хотя это требование выдвигалось до сих пор всеми пролетарскими революционными организациями - от германского Союза коммунистов в прошлом столетии до Четвертого Интернационала. Передача промышленных и сельскохозяйственных предприятий в собственность даже такого демократического аппарата управления, как пролетарское полугосударство, неизбежно повлечет за собой появление и разрастание бюрократического аппарата исполнительной власти в экономике, угрожающего превращением системы КСТ в бессильный придаток этого аппарата, а государственной бюрократии - в эксплуататорский класс. Именно так и произошло в 20-е годы в СССР, а впоследствии - во всех подобных СССР государствах. Однако в первой половине XX века такая трансформация была не просто неизбежна, но и необходима с производственно-технической точки зрения: до появления компьютеров управлять экономикой в масштабах целой страны можно было только по принципу «сверху вниз, без или с малым контролем снизу», и поэтому огосударствление средств производства и рабочих сил было самым рациональным ответом на вопрос «а что делать дальше?», встававший перед победоносными повстанцами. Сегодня же компьютеры делают излишней передачу предприятий во владение таким органам управления, как КСТ, у которых и помимо этого есть множество разных функций и которые поэтому заведомо будут вынуждены воздвигнуть между собой и предприятиями громоздкий чиновничий аппарат управления, который будет трудно контролировать даже с помощью компьютерных систем и который будет постоянно тяготеть к превращению в силу, стоящую над обществом. В условиях компьютеризации производства и других сфер человеческой деятельности для взявших политическую власть пролетариев более выгодным и удобным является создание особой системы выборных коллегиальных органов, отдельной от системы КСТ; посредством этой особой системы и осуществлялось бы управление экономикой. При таком «разделении властей» единство управления экономической и политической

сферами жизни общества, вместе взятыми, будет осуществляться путем равноправного согласования действий между обеими системами; в экстремальных же ситуациях, когда для решения стоящих перед обществом проблем необходимо единоначалие, система КСТ - обладающая такими рычагами воздействия на экономику, как владение землей и регулирование денежного обращения - возьмет руль в свои руки, временно подчинив себе вторую систему и не вступая при этом с ней в конфронтацию.

Исходя из всего вышесказанного, Коллективистская партия выступает за создание системы централизованного самоуправления (СЦС), посредством которой пролетарии возьмут в свою собственность отнятые ими у капиталистов предприятия. СЦС будет состоять из производственных комитетов, избираемых по ступенчатой системе, начиная с цехов и предприятий вплоть до уровня целой страны, нескольких стран и, возможно, когда-нибудь - всего мира. Место и роль депутата производственного комитета в управлении экономикой полностью аналогичны месту и роли депутата КСТ в управлении пролетарским полугосударством. СЦС (в наиболее общих и важных вопросах - совместно с КСТ) осуществляет централизованное планирование развития экономики, обеспечивая полную занятость трудоспособного населения. Такое планирование будет сочетаться с высокой степенью хозяйственной автономии предприятий; их работники, объединившиеся в действительный коллектив, будут в высокой степени независимы в поиске торговых партнеров на внутреннем рынке и рынках других пролетарских полугосударств, а также при распределении дохода, полученного от продажи продукции предприятия. При этом каждый работник предприятия будет участвовать в управлении им и всей экономикой в целом - в частности, путем выбора депутатов в производственные комитеты - на равных правах со всеми другими. Коллективистская партия выступает против найма трудовыми коллективами работников по капиталистическому принципу (без вовлечения их в управление на равных правах со всеми), против таких форм акционерной и паевой собственности, при которых не соблюдается принцип «один человек - один голос». Коллективистская партия выступает за то, чтобы покупка предприятий у одних коллективов другими была сведена к простому укрупнению предприятий, когда работники «купленного» предприятия объединяются с работниками предприятия - «покупателя» в единый коллектив, все члены которого имеют одинаковые права; при таких производственных отношениях деньги, выплаченные коллективом - «покупателем» коллективу «покупаемого» предприятия, перестают быть ценой товара и превращаются в один из дополнительных способов заинтересовать коллектив «покупаемого» предприятия в объединении с «покупателем».

...Коллективистская партия выступает за отмену тарифно-квалификационной сетки оплаты труда: после взятия пролетариями политической и экономической власти зарплату будут распределять сами трудовые коллективы, а до тех пор, пока предприятиями владеет капитал, задача рабочих организаций и органов рабочего контроля - добиваться возможности самим устанавливать те пропорции, в которых зарплата будет распределяться между различными категориями работников. В сфере образования и науки коллективистская партия требует отмены ученых

званий и степеней со всей системой привилегий, с ними связанных. Общая задача Коллективистской партии и до, и после взятия пролетариатом политической и экономической власти: во всех сферах жизни общества последовательно бороться за отмену всех привилегий начальства любого уровня в любой сфере (исключение возможно лишь одно - тщательная охрана избранного трудящимися лидера от покушения на его жизнь, если это необходимо для успешного осуществления руководимого им дела).

...Коллективистская партия борется за то, чтобы средства, расходуемые сегодня на избыточное потребление эксплуататорских классов, шли на пользу всему обществу. В частности, она выступает за то, чтобы после взятия пролетариатом политической и экономической власти свернуть (в средне- и слаборазвитых странах - сразу, в высокоразвитых - через некоторое время и постепенно) производство легковых автомобилей и направить освободившиеся средства на развитие общественного транспорта и на компьютеризацию управления обществом. С появлением компьютерных систем, позволяющих быстро обмениваться информацией и принимать совместные решения людям, находящимся на сколь угодно далеких расстояниях друг от друга, автомобиль превратился из средства доставки начальников на необходимые для успешного хода производства совещания в предмет роскоши, являющийся в средне- и слаборазвитых странах признаком высокого социального статуса и тем самым - средством для самоутверждения личности представителя эксплуататорских классов, а в высокоразвитых странах просто чересчур вредным для экологии и неэкономичным транспортным средством, при изготовлении и использовании которого затрачивается уйма средств на перевозку небольшого количества людей и грузов.

Коллективистская партия выступает за отмену рынка жилплощади.

3. В области семейных отношений Коллективистская партия выступает за:

а) переход воспитания детей из рук их предков, опекунов и государства в руки трудовых коллективов и нанятых последними педагогов (задачей пролетарского полугосударства станет помощь трудовому коллективу в материально-техническом обеспечении воспитания детей и в подготовке педагогических кадров);

б) постепенное изменение права наследования в таком направлении, чтобы роль субъекта, чье имущество подлежит наследованию, все больше и больше переходило от частных лиц к трудовым коллективам, а в ряде случаев - ко всему обществу в целом;

в) соединение воспитания (в том числе обучения) с производством, исключая эксплуатацию детского труда, предполагающее как можно более раннее включение детей в структуры общественного самоуправления в качестве полноправных и стопроцентно ответственных членов общества. Постепенное размывание правовой границы между взрослыми и детьми.

Коллективистская партия выступает за всеобщее бесплатное образование, а также за бесплатное здравоохранение населения.

...7. Коллективистская партия выступает за то, чтобы после взятия пролетариатом политической и экономической власти лишиться на некоторый срок права занимать любые руководящие должности всех, кто

занимал руководящие посты высшего и среднего уровня во всех сферах жизни общества (в некоторых случаях - и руководящие посты низшего уровня). В данном вопросе допустимы лишь редкие исключения, всегда санкционированные коллективной волей тех трудящихся, над которыми эти бывшие эксплуататоры и помощники эксплуататоров раньше господствовали. Ценные специалисты из числа бывших господ и начальников могут рассчитывать на применение своих знаний и опыта на консультативных должностях; Коллективистская партия выступает также за то, чтобы обеспечить тем бывшим господам и начальникам, которые в свое время оказали ценные услуги революционному пролетарскому движению, личную безопасность, высокий уровень дохода и высокий статус в общественном мнении".

Если один из наших оппонентов-КРАСовцев, Михаил Магид, даст себе труд вчитаться во второй пункт этого проекта программы, то с изумлением обнаружит, что он полностью совпадает с... любимой самим Магидом программой левых эсеров, вкратце пересказанной Магидом в его статье "Леваки" (эту статью мы, коллективисты, опубликуем в №7 "ПР" в качестве боксерской груши, на которой в том же номере будем отрабатывать свои критические удары):

"Ассоциации фабрично-заводских комитетов самоуправления объединятся в ассоциации (синдикаты) и возьмут на себя управление промышленностью... Советы будут сформированы исключительно делегатами от городских предприятий и крестьянских общин... Советы будут принимать решения политического и законодательного характера, но не экономического... необходимо раздробить единый монолитный кулак власти советов... (курсив мой. - Г. В.)"

Левые эсеры совершенно правильно понимали, что разделение выборных органов самоуправления трудящихся на экономические и политические (вернее, полуполитические, перестающие быть политическими - потому что перестающие быть властными) очень *желательно* с точки зрения усиления контроля бывших пролетариев над избранными ими лидерами(1). Магид полностью прав, соглашаясь с ними. Действительно, если на один и тот же выборный орган взвалить управление как производством и распределением продукции, так и дружинами вооруженных трудящихся, благоустройством быта и всякими прочими важными делами - то депутаты этого органа окажутся так перегружены, что им будет никак не обойтись без формирования аппарата исполнительной власти, состоящего из не избираемых своими подчиненными начальников-бюрократов(2). Эти-то начальники, взявшись за управление экономикой, и захватят ее в свои руки... Кроме того, не следует забывать, что элементы такого аппарата первое время неизбежно будут примешаны к самоорганизации вооруженных трудящихся: до тех пор, пока кое-где на Земле еще будут сохраняться буржуйские государства, а там, где буржуи уже свергнуты, еще не совсем исчезнут товарные отношения, без некоторого количества профессиональных военных и сыщиков никак не обойтись - и поэтому необходимо изо всех сил постараться обеспечить, чтобы профессиональные военные и сыщики не сталкивались с назначающими их депутатами и в компании с ними не захватили землю и предприятия в свои руки. А одна из мер, необходимых для этого - отдалить депутатов, назначающих профессиональных военных и сыщиков, от оперативного контроля над

процессом производства и распределения; доверить управление экономикой одним выборным органам, а управление вооруженной силой трудящихся - другим. Такое "разделение властей" просто необходимо для того, чтобы управление все больше и больше переставало быть властью.

Мы с Марленом Инсаровым не раз спорили на эту тему. Товарищ Инсаров опасается, что такое "разделение властей", введенное после свержения буржуев, помешает трудящимся эффективно координировать свои действия в борьбе с еще не уничтоженной мировой буржуазией - и приведет к поражению революции. По его мнению, победу можно надежно обеспечить, лишь сосредоточив политическую и экономическую власть (вернее, "полувласть") пролетариата в *одном* центре.

Однако, если бы для победы восставшего класса обязательно нужно было сосредоточить экономическую и политическую власть этого класса в одном центре, то... ни одна буржуазная революция никогда не удалась бы. Не было бы великих английской и французской революций, не возникли бы США и т. д. и т. п. На самом же деле буржуазии ничуть не мешало удерживать захваченную власть тот факт, что аппараты управления предприятиями буржуев не интегрировались в захватываемый ими госаппарат. Разумеется, в экстремальных ситуациях буржуи делегируют *некоторые* функции верховного экономического управления своему государству, *кое в чем* подчиняют ему свои предприятия - *но не настолько, чтобы частные фирмы полностью растворились в госаппарате*. Точно так же будет обстоять дело и с пролетариями, уже свергнувшими буржуев - но не везде, уже начавшими разделяться с буржуазией - но еще не доведшими это дело до конца: *если экстремальная ситуация потребует, можно будет в той или иной степени подчинить советы, управляющие экономикой, советам, принимающим политические и законодательные решения - но не до такой степени, чтобы растворить первые во вторых или сделать первые вечным придатком вторых*. Если по окончании экстремальной ситуации экономические советы не смогут стать *равноправными партнерами* "политических" советов, координирующих с ними свои действия *по горизонтали* (т. е. коллективно), то это почти наверняка будет означать приход новых начальников-эксплуататоров на место старых.

Разумеется, если пролетарии не способны контролировать своих руководителей (как это и было до появления компьютерных систем) и тем самым обречены (даже в случае самого наиуспешнейшего своего восстания) на то, что вместо старых господ на их шею сядут новые, то самое рациональное, что могут сделать восставшие пролетарии для дальнейшего прогресса техники и науки, - это максимально централизовать экономическую и политическую власть, сосредоточить ее в одном и том же центре. В тех условиях *экстремальной ситуации*, в которых начинаются и побеждают пролетарские восстания, именно эта мера наиболее подходит для того, чтобы новые, более прогрессивные господа не уступили свою власть старым, более реакционным. Однако *теперь, когда пролетарии уже могут вообще обойтись без господ, вопрос стоит иначе - не о том, какие господа лучше, а о том, как наилучшим образом обеспечить жизнь без всяких вообще господ*; и если до начала НТР догма о необходимости передачи средств производства революционному государству (почти - за редкими исключениями - общепризнанная среди марксистов) направляла энергию повстанцев в правильное русло, то теперь она будет играть прямо противоположную роль. Дело в том, что благодаря наличию компьютеров и возросшей (в среднем) образованности пролетариата трудящиеся, восставая и

побеждая в XXI веке, будут *стихийно тянуться к более эффективным, с точки зрения контроля над руководителями, формам управления* (в том числе и к разделению экономических и "политических" советов) - а догма об огосударствлении средств производства *будет мешать трудящимся осознать эту свою тягу и реализовать ее без лишних проволочек и ошибок.*

К счастью, товарищ Инсаров уже понял, что коллективизму соответствует второй этап развития исторического материализма, идущий *на смену* первому его этапу - марксизму. Инсаров уже начал давать коллективистскую критику марксизма (см. его замечательную статью на эту тему в прошлогоднем спецвыпуске "ПР"). Будет здорово, если он, продолжая эту критику, преодолеет также и марксистскую догму о концентрации экономического и политического управления в руках *одних и тех же* Советов. Если мы, коллективисты, окончательно преодолеем эту догму - это поможет нам завоевать и удержать доверие пролетариев уже в относительно скором времени, в надвигающуюся эпоху больших империалистических войн и порожденных ими больших пролетарских восстаний. Когда пролетарии начнут-таки осознавать свои реальные классовые интересы (как это всегда бывает в периоды пролетарских восстаний), на гребне волны истории удержится только тот, кто *заранее* отразит эти интересы в ясно осознанной и столь же ясно излагаемой системе политических установок.

* * *

Как марксизм, так и различные анархистские учения являются теоретическими *доктринами*, служившими обоснованием различным *идеологиям* (системам практических политических установок) XIX-XX вв. - как пролетарско-революционной идеологии, так и различным мелко- и крупнобуржуазным идеологиям (вплоть даже до фашистской: именно для обоснования фашистской идеологии использовали марксизм некоторые современные российские "коммунистические" организации - это доказано в ряде статей, написанных членами ГПРК с 1992 г.; встречаются также и "анархо"-фашисты, вроде небезызвестного Цветкова).

Использование марксизма и анархизма для обоснования буржуазных идеологий, начавшееся в начале XX в., само по себе ничуть не порочит эти доктрины: манера монополистической буржуазии превращать в орудия своей идеологической власти *любые* учения - даже самые неподходящие для этого по своей внутренней логике - хорошо известна. Однако как левые мелкобуржуазные идеологии, так и пролетарско-революционная идеология XIX-XX вв., которым *органически* соответствовали доктрины анархизма и марксизма, тоже были ограничены своим временем. Как анархизм, так и марксизм *отражают классовые интересы до-НТРовских пролетариев, еще не способных к самоуправлению* (в частности, к контролю над избранными ими лидерами). Анархическая утопия возврата к доиндустриальному обществу отражала страх части до-НТРовских пролетариев и мелких буржуа перед неумолимым развитием капитализма, их беспомощность перед его неуклонным шествием; марксистская догма революционного огосударствления средств производства выражала готовность другой части этих классов участвовать в строительстве государственно-монополистического капитализма (а также неоазиатского строя, недолго существовавшего в СССР и некоторых других странах).

Сегодня НТР постепенно делает пролетариат способным к коллективистскому (социалистическому, коммунистическому) самоуправлению. В связи с этим на повестку дня встает вопрос о формировании и пропаганде новой пролетарско-революционной идеологии - *идеологии пост-НТРовского пролетариата* - и о разработке соответствующей этой идеологии, обосновывающей ее теоретической доктрины. *Такая идеология уже рождается; это - идеология коллективизма*, излагаемая в книгах и журнале ГПРК. В единстве с нею разрабатывается и теоретическая доктрина коллективизма - *второй этап развития исторического материализма*, вырастающий из марксизма и "снимающий", критически перерабатывающий и *сменяющий* его. Коллективистское учение усваивает также все лучшее из других революционных теоретических течений XIX-XX вв. - бланкизма, народничества, анархизма и пр., - критически перерабатывая и их, приходя и им на смену.

Отдадим должное революционным идеологиям и учениям прошлых веков - и с уважением и признательностью попросимся с ними:

КОЛЛЕКТИВИЗМ ИДЕТ ИМ НА СМЕНУ

Примечания.

(1) Одна из трудностей, возникающих при дискуссии с анархистами, заключается в том, что для них власть и самоуправление - это две разные *сущности, совершенно отдельные друг от друга*. Они не понимают, что власть (координация по вертикали, отношения авторитарного управления) и самоуправление (координация по горизонтали, отношения коллективного управления) *одновременно сосуществуют в любой группе людей, в любом человеческом обществе - но в разных группах, в разных обществах эти два типа отношений управления смешаны в разных пропорциях*. В классовом обществе отношения авторитарного управления преобладают над отношениями коллективного управления, в бесклассовом наоборот - но *и в том, и в другом есть оба эти типа отношений*.

В бесклассовом обществе присутствие отношений авторитарного управления выражается в том, что для управления некоторыми совместными действиями людей все-таки приходится выбирать координаторов (пример - выборные вожди в первобытных общинах), согласовывающих действия тех, кто их выбрал. И хотя при зрелом коллективизме все такие координаторы будут полностью подконтрольны своим избирателям, подотчетны им, послушны их коллективным наказам, переизбираемы ими в любое время, по желанию избирателей - но при всем при этом *сам факт, что для координации некоторых своих действий группа людей выделяет из своей среды меньшинство и поручает ему функции координирования, делает это меньшинство в какой-то мере лидерами, начальниками, а большинство - в какой-то мере подчиненными*.

Анархисты обычно отказываются понимать, что представители общин, избираемые в координационные органы федераций общин, *обязательно*

остаются в какой-то мере начальниками, лидерами. Но от того, что анархисты не хотят замечать этот факт, он вовсе не перестает быть фактом. Весь вопрос в том, в какой именно мере выборные представители остаются начальниками. Эта мера тем меньше (и, стало быть, тем меньше в бесклассовом обществе пережитков общества эксплуататорского), чем больше небольшие коллективы способны непосредственно, вообще без всяких координаторов, "по горизонтали" согласовывать свои действия друг с другом - и тем самым сливаться в единый большой коллектив. Чем теснее это слияние, тем меньше нужна трудящихся в выборах каких-то особых координаторов и тем легче контролировать таких координаторов, когда нужда в них все-таки появляется (на какое-то время)...

Отсюда вывод: движение к бесклассовому обществу - это движение от федерации общин (такая федерация есть лишь переходный период от классового общества к коллективизму, период диктатуры пролетариата, когда в обществе еще сохраняется очень большая доля отношений авторитарного управления - и вырастают эти авторитарные отношения из того же самого корня, из которого вырастает федеративный характер отношений между общинами: из слишком большой независимости небольших общин друг от друга, затрудняющей горизонтальную координацию действий этих общин и тем самым неизбежно воспроизводящей вертикальную, командную, начальственную координацию) к превращению человечества в единую компьютеризованную общину (коллектив), в которой отношения горизонтальной координации (коллективного управления) почти полностью вытеснят координацию по вертикали. Анархисты же, со своим лозунгом "федерации общин", как это ни парадоксально, увековечивают большую долю властных отношений в обществе: делая акцент на федерации отдельных общин и проповедуя возврат к доиндустриальному сельскохозяйственному обществу (т. е. обществу без компьютерных систем), они объективно, независимо от своей воли борются за такое общество, составляющие которое ячейки-общины будут не настолько разрознены, чтобы не испытывать острой потребности в координации своих действий, и в то же время достаточно сильно разрознены, чтобы никак не обойтись без большой доли вертикальной, авторитарной координации в отношениях между ними... Короче говоря, если строить федерацию общин по анархистскому проекту, то координирующие органы этой федерации неизбежно захватят столько власти, что большевистская диктатура покажется райским садом по сравнению с напоминающим древнеегипетскую империю фараонов Новым Анархическим Порядком (Neue Anarchistische Ordnung). Старой гвардии анархистов-революционеров этот железный порядок - дело их собственных рук - конечно же, не понравится; но кто их спрашивать будет... Так что, если бы анархисты однажды победили, то с ними обязательно вышло бы то же, что вышло с большевиками: за что боролись - на то и напоролись.

Итак, грядущее бесклассовое общество может быть лишь не чем иным, как единым компьютеризованным коллективом, где почти не осталось руководителей, а те, что остались, почти перестали быть руководителями. Возникает вопрос: а исчезнет ли когда-нибудь власть не "почти", а совсем? - Ответ таков: да, авторитарные отношения управления исчезнут полностью - но лишь тогда, когда человечество станет до такой степени единым целым, что превратится не просто в единый компьютеризованный коллектив, но в биологически единое существо. Тогда исчезнут не только авторитарные, но и вообще все отношения управления и собственности: люди перестанут быть

отдельными субъектами, человечество станет совершенно единым субъектом, *единым гигантским разумным существом.*

О том, почему при коллективизме развитие человечества будет идти именно в этом направлении и как именно будет происходить формирование этого единого всечеловеческого человека, см. "Письмо В. Бугеры А. Жиденкову, редактору бюллетеня "Вестник "Солидарности""", опубликованное в книге ГПРК "Идеология коллективизма", а также на левокоммунистическом сайте <http://www.left-dis.nl> , список русскоязычных текстов, раздел "Дискуссии", №23. Здесь мы не будем задерживаться на этой теме; отметим лишь, что превращения человечества в единое существо следует ожидать очень и очень нескоро. Да и предшествующий этому коллективизм - бесклассовое, бестоварное общество, в котором будут преобладать отношения коллективных собственности и управления - сформируется далеко не сразу после свержения буржуев. В течение *переходного периода* (о котором и идет речь во втором пункте моего проекта программы Коллективистской партии) долгое время будут сохраняться, в частности, остатки товарно-денежных отношений между трудовыми коллективами. *Слишком спешить ликвидировать их столь же опасно, как и стараться их сохранить:* до тех пор, пока все человечество не станет единым предприятием, единым компьютеризованным самоуправляющимся трудовым коллективом, *излишняя спешка с ликвидацией отношений индивидуального управления между людьми и коллективами, стремление ускорить их слияние без соответствующей технической подготовки будет способствовать не росту доли коллективных отношений в обществе, а, напротив, росту доли авторитарных отношений собственности и управления - и уменьшению доли коллективных отношений.* Тут так получается: будешь слишком охранять товарно-денежные отношения - получишь рост бюрократии, будешь слишком их подавлять - опять-таки получишь рост бюрократии.

Если переход к коллективизму будет происходить успешно, товарные отношения отомрут - но не сразу. Деньги перестанут быть деньгами - но опять-таки не сразу (о том, что деньги никогда не являются самими собой на 100%, но лишь *в той или иной, большей или меньшей степени,* и могут быть в большей мере не-деньгами, чем деньгами, см.: В. Бугера, *Собственность и управление*, М., Наука, 2003, с. 276-279); даже покупка предприятий у одних коллективов другими, прежде чем исчезнуть, примет некие переходные формы, подобные той, о которой идет речь во 2-м пункте проекта "программы Коллективистской партии". Попытки перепрыгнуть через эти фазы будут *точно так же работать на реставрацию бюрократической пирамиды власти - и, следовательно, классового общества,* как и попытки задержать эти фазы, растянуть их.

(2) М. Магид в одном из своих писем к М. Инсарову пишет:

"В испанской CNT с ее полуторамиллионной численностью был только 1 освобожденный работник. Это не значит, что CNT была во всем идеальной организацией, однако это значит, что огромным движением можно было управлять почти без бюрократии.

В аргентинской ФОРА было до 200 тыс. и ни одного осв. чиновника. Все решения в ФОРА принимались ассамблеарно, и она никогда не входила в правительство, как CNT в 1936-ом. Но и вхождение в правительство CNT трудно объяснить наличием в ней бюрократии, которой не было или почти не было".

То, как ограниченно Магид определяет понятие "бюрократ" (включая в него, применительно к профсоюзной бюрократии, только освобожденных работников - и совершенно забывая о том, что если профсоюзный лидер достаточно авторитарно руководит профсоюзом, то он является бюрократом, *даже если он совмещает свое профсоюзное лидерство с работой за станком*), лишний раз доказывает, что в свой проект "безвластного" общества анархисты незаметно для самих себя протаскивают целую кучу властных, авторитарных отношений. Наивная ссылка Магида на ассамблеарность принятия решений в ФОРА - еще одно тому доказательство: ему понятно, что *если все 200 тыс. членов ФОРА не могли отслеживать ход ассамблеи своих представителей с помощью большой компьютерной системы и по ходу дела корректировать своими наказаниями процесс принятия решений этой ассамблеей, то делегаты ассамблеи в очень большой мере становились начальниками над этой 200-тысячной массой, а в еще большей мере начальниками становилась та небольшая группа лидеров, которая реально готовила проекты решений ассамблеи и добивалась принятия делегатами тех или иных проектов...* Когда анархисты представляют свои организации в качестве образцов будущего общества, то они не осознают, что проектируемое ими общество будущего *не менее авторитарно, чем диктатура пролетариата в представлении левых марксистов и коллективистов*. Коллективисты же выгодно отличаются от анархистов тем, что, во-первых, называют кошку кошкой и честно констатируют достаточно высокую авторитарность такого общества (даже подчеркивают ее для особо непонятливых, говоря о *диктатуре пролетариата*), а во-вторых, рассматривают такое общество как *переходное к менее авторитарному* - в отличие от анархистов, *на деле стремящихся увековечить это переходное, еще весьма авторитарное общество под маской "бесклассового"*. Иначе говоря, анархисты называют кошку собакой... Что же касается нас, коллективистов, то мы на деле оказываемся *гораздо либертарнее анархистов - а они гораздо авторитарнее нас*.

В №7 "ПР" нам еще предстоит показать читателям, что Магид все время подсовывает, в качестве образчиков грядущей анархии, насквозь пропитанные авторитарными отношениями, за версту воняющие отвратительным запахом самой грубой и гнилой власти институты доиндустриального классового общества. На примере статей и писем Магида мы увидим, что идеология и доктрина некоторых анархистов - причем даже наиболее левых среди них - несет в себе зерна либерализма, а местами даже фашизма.

Сущность эксплуатации

Отрывок из книги В. Бугеры "Собственность и управление" (М., Наука, 2003, с. 141-149).

"Разумеется, речь здесь пойдет не об эксплуатации земель или еще о чем-нибудь в этом роде, а об эксплуатации человека человеком. Какое понятие зачастую имеют о ней даже неплохо знающие экономическую науку люди, мы видим на примере уже знакомого нам Илюшечкина:

"...налоги... это—экономическая основа существования государства... Они представляют собою... отчуждение части прибавочного продукта (прибавочного труда) непосредственных производителей, либо иногда—всего прибавочного продукта и прибавочного труда (в виде государственных трудовых повинностей).

Налоги в предклассовых(67) и классово-антагонистических обществах не носили бы эксплуататорский характер, если бы отчужденный в форме налогов прибавочный продукт возвращался в форме обмена трудовой деятельностью и в иных формах прежде всего тем же самым непосредственным производителям.

Но в том-то и дело, что в самом отчуждении предклассовым и классово-антагонистическим государством прибавочного продукта у непосредственных производителей в налоговой форме скрыта возможность отчуждения его правящей прослойкой в размерах, превышающих действительные нужды государства, с целью присвоения части его в свою пользу, либо возможности присвоения представителями этой прослойки части отчужденного и действительно необходимого для нужд государства прибавочного продукта. Реализация этой возможности путем, например, передачи части налогов в кормление тем или иным представителям правящей прослойки, либо передача ее чиновникам в виде кормлений или жалованья, величина которого значительно превосходит общественно-полезную ценность их труда, либо передачи ее в том же виде тем чиновникам, труд которых не имеет никакой общественно-экономической значимости, а также каким-либо иным путем, выходящим за рамки обычного обмена трудовой деятельностью, - все это и придает налогам в предклассовых и классово-антагонистических обществах в известной мере эксплуататорский характер". (Система и структура..., выпуск второй. С. 389-390).

По логике Илюшечкина получается, что капиталист, выделивший из прибыли для своего личного потребления долю не больше средней зарплаты рабочего, а все остальное потративший на покрытие издержек производства и расширение последнего, не является эксплуататором. Если так, то вопрос о том, быть или не быть эксплуататором, решает сам для себя каждый отдельный капиталист или коллегия капиталистов. Захотят, например, держатели контрольного пакета акций какой-нибудь корпорации пару месяцев пожить в умеренности и воздержании—и перестанут на два месяца быть эксплуататорами, для чего им вовсе не надо будет отказываться от собственности на свою корпорацию, не надо будет менять свое место в системе экономических отношений собственности и управления. Такое понятие об эксплуатации не имеет никакого значения для научного исследования общества. Для того, чтобы сделать понятие "эксплуатация" научным, следует отразить в нем какие-то более

объективные характеристики деятельности членов общества, не зависящие от личных особенностей тех или иных исполнителей данной социальной роли.

Для начала обратимся к Марксу:

"Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский *калос кагатос* (аристократ), этрусский теократ, *civis romanus* (римский гражданин), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист"(68).

По мнению Энгельса, в данной цитате показана "основная форма эксплуатации, общая всем существовавшим до сих пор формам производства, - поскольку они движутся в классовых противоположностях"(69). Итак, на определенном уровне развития производительных сил (достигаемом еще при первобытном коммунизме—см. литературу о первобытном обществе) работники начинают производить больше, чем это надо для поддержания их самих, их детей, а также нетрудоспособных членов общности. Труд начинает делиться на *необходимый и прибавочный*; соответственно делится и рабочее время. По мере развития производительных сил содержание необходимого труда изменяется, так как в человеческом обществе "поддержание существования" означает не только поддержание *биологического* существования, но и обеспечение определенной квалификации рабочей силы, а также потребление некоторой суммы материальных и духовных благ, доступной большинству людей на данной стадии развития производительных сил. Следовательно, чем выше уровень развития производительных сил, тем больше нужно человеку; однако, несмотря на это, до сих пор в истории человечества всегда соблюдался закон—чем выше уровень производительных сил, тем меньше доля необходимого рабочего времени по сравнению с долей прибавочного. Как и кем распределяется продукт прибавочного труда (прибавочный продукт), как и кем потребляется (т. е. кем и на что тратится)--зависит от наличной системы производственных отношений. В классовых обществах он тратится вовсе не только на личное потребление собственников средств производства: это прекрасно знают все ученые, знал это и Маркс (приведенная выше цитата из "Капитала" сама по себе, будучи вырвана из контекста, не вполне адекватно выражает марксовы воззрения по данному вопросу). Во всех обществах прибавочный продукт расходуется на обновление средств производства, накопление и т. д. и т. п. *Вопрос в том, кто им распоряжается, кто управляет его распределением, обменом и потреблением.* Например, в системе отношений коллективного управления производством, распределением, обменом и потреблением весь коллектив владеет и распоряжается необходимым и прибавочным продуктом как единый субъект. В системе отношений индивидуального управления производством, распределением, обменом и потреблением каждый член группы сам владеет и распоряжается и необходимым, и прибавочным продуктом. В системе отношений авторитарного управления производством, распределением, обменом (данной группы с не входящими в нее людьми и группами: при чисто авторитарных отношениях управления распределением—а именно о таком гипотетическом варианте мы сейчас ведем речь—про обмен внутри группы не может быть и речи) и потреблением к собственности на необходимый и прибавочный продукт, к управлению им больше причастны начальники, чем

подчиненные, и авторитарно управляемая группа делится на три части: высшую, члены которой больше причастны к собственности на необходимый и прибавочный продукт и к распоряжению им, чем не причастны; среднюю, члены которой примерно на 50% причастны к собственности и распоряжению необходимым и прибавочным продуктом; низшую, члены которой менее чем на 50% причастны к собственности и распоряжению необходимым и прибавочным продуктом—причем *с момента его изготовления*. Реальные системы производственных отношений в классовых обществах представляют собою (как мы видим на примере докапиталистических формаций) смесь больших долей авторитарных отношений и маленькой доли коллективных отношений управления в разных пропорциях, причем пропорции различаются и в одной и той же общности на любой данной стадии ее развития—в разных видах экономической деятельности, в разных областях каждого вида и просто в разных группах людей. Соответственно различны и результаты смешения трех типов отношений. В одних случаях весь продукт изначально является собственностью непосредственных производителей, а затем у них безвозмездно изымают прибавочный продукт или доход от его продажи—либо в процессе неэквивалентного обмена, либо без всякого обмена. В других случаях весь продукт изначально принадлежит стоящим над непосредственным производителем руководителям, которые выдают последнему либо доход от продажи необходимого продукта в уплату за рабочую силу непосредственного производителя, либо необходимый продукт в той или иной форме в качестве кормежки. В случае же с работником потребляемая им кормежка даже не может считаться выданной ему в собственность, поскольку он, и потребляя ее, не распоряжается ею. Однако во всех случаях имеет место нечто общее—*авторитарно управляемое распределение, в результате которого непосредственный производитель (или вообще подчиненный) оказывается или остается непричастен к собственности на произведенный при его участии прибавочный продукт (в любой форме, какую только этот продукт может принять—в форме дохода от его продажи, эквивалентных ему по стоимости предметов потребления и пр.), а тот, кто управляет непосредственным производителем (или вообще подчиненным) в данном процессе распределения, напротив, оказывается или остается причастен к собственности на прибавочный продукт в любой форме. Такого рода распределение и является эксплуатацией*; управляющий процессом эксплуатации—это эксплуататор(70), а управляемый в процессе эксплуатации—эксплуатируемый. Эксплуататор и эксплуатируемый могут быть самими собою либо в одиночку, либо как члены некой организации; при этом нельзя забывать, что эксплуататором может быть не всякий член эксплуататорской организации, а только тот, кто участвует в управлении эксплуатируемыми, кто является по отношению к ним начальником—более или менее высоким. Поэтому, хотя в эпоху монополистического капитализма, когда в системе производственных отношений преобладают отношения авторитарного управления (об этом мы поговорим в следующем очерке), нации высокоразвитых империалистических стран действительно являются едиными организациями, возглавляющая которые буржуазия эксплуатирует "третий мир", однако пролетарии этих наций *не* являются эксплуататорами по отношению к трудящимся отсталых стран—хотя и получают какую-то долю от сверхприбылей, выкачиваемых из "третьего мира" капиталистами своих наций.

С такими фигурами, как бюрократ азиатского типа, феодал, античный рабовладелец, ростовщик, владеющий производственным предприятием капиталист, все в общем-то ясно: понять, почему каждый из них является эксплуататором, нетрудно. Труднее понять, почему эксплуататором является торговый посредник—купец(71). Он покупает товар по одной цене, а затем старается перепродать тому, кто даст бóльшую. Покупая товар, купец находится с продавцом в отношениях *индивидуального* управления действиями каждого из них в процессе обмена; продавая этот же товар—в таких же отношениях с покупателем; в свою очередь, первичный продавец и последний покупатель данного товара находятся в таких же отношениях друг с другом. Но если рассматривать три стороны этого треугольника отношений не по отдельности, а вместе, как единую систему отношений, то мы увидим, что в них присутствует качественно новый момент - отношения *авторитарного* управления(72). Процесс движения товара от первичного продавца к последнему покупателю не сводится к обмену между ними: это более сложный процесс перераспределения, в котором одному из участников некоторая доля общественного богатства достается *ни за что*(73).

Прибыль купца не есть плата за услуги (= вознаграждение за риск и т. п.): плата за услуги—это сумма, которую *дают* продавцу услуг в соответствии с количеством вложенного в них общественно необходимого абстрактного труда (в случае с купцом услугами с его стороны *могли бы быть* транспортировка и охрана товаров, предохранение их от порчи, поиск продавца и покупателя и т. п.) и с соотношением спроса и предложения на услуги такого рода, а свою прибыль купец *сам берет*, не договариваясь со своими торговыми партнерами, сколько именно денег он должен получить от игры на разнице цен (если там, где купец продает свой товар, цены на последний сильно упадут, то купец не получит прибыли, и никто не будет обязан выплачивать ему ее; но если бы это была плата за услуги, то партнеры по торговле были бы обязаны отдать ему эту плату). Купец получает прибыль благодаря тому, что координирует действия людей (в нашем примере - двух, но их обычно бывает намного больше), помимо него никак не связанных друг с другом в процессе управления своими действиями и даже не знающих о существовании друг друга, превращая эти действия в единый процесс обмена; следовательно, он осуществляет авторитарное управление обменом между первичным продавцом и последним покупателем, благодаря чему данный обмен отчасти перестает быть самим собой, оказываясь лишь одним из моментов(74) упомянутого выше более сложного процесса перераспределения. Короче говоря, купец авторитарно управляет процессом распределения в более или менее крупных масштабах, безвозмездно перекладывая при этом из карманов своих партнеров в свой карман некую сумму. В отличие от той торговли, которую ведет купец, ремесленник, сам произведший свой товар и вынесший его на рынок, никого не эксплуатирует, даже если спрос на товары такого рода устойчиво превышает предложение и наш ремесленник долгое время продает свои товары по цене выше их стоимости: дело в том, что он никоим образом не управляет действиями своих торговых партнеров.

Купец может торговать с кем угодно; это значит, что он может выступать как эксплуататор и по отношению к представителям эксплуататорских классов. По отношению к эксплуатируемым это означало бы, что процесс распределения, в результате которого они оказываются не причастны к собственности на продукт своего труда, вышел за пределы авторитарно управляемой группы, членами которой они являются, и над управляющим этим процессом верховным

собственником появился еще один начальник(75), который потребовал свою долю. Об этом многое могли бы рассказать крестьяне эпохи разложения европейского и японского феодализма, которым так увеличивали оброк, что доводили их до полной нищеты, которых сгоняли с земель, как в Англии, которых порабощали, как в России; немало порассказали бы и крестьяне, жившие при азиатском строе в периоды его упадка.

Основываясь на приведенной выше цитате из "Капитала", официальные знатоки марксизма в СССР определяли эксплуатацию человека человеком как "безвозмездное присвоение собственниками (в ПЭСе—классом собственников—В. Б.) средств производства продуктов прибавочного, а иногда и части необходимого труда непосредственных производителей"(76). (Добавим, что случается и обратное: непосредственному производителю достается не только необходимый, но и часть прибавочного продукта. Так, например, обстоят дела у привилегированной прослойки пролетариата— "рабочей верхушки", имеющейся не только в высокоразвитых, но и в средне- и слаборазвитых капстранах.) Хорошее было определение для своего времени, хотя и грубоватое: например, в нем не учитывались такие, частенько бывающие важными, случаи, когда одни эксплуататоры эксплуатируют других или когда эксплуатируемые выступают в роли эксплуататоров. Или еще: термин *присвоение* может заставить забыть о том, что в ряде случаев прибавочный продукт не изымается эксплуататором из частной—по отношению к нему—собственности эксплуатируемого, но изначально принадлежит эксплуататору (хотя в этом продукте есть лишь малая доля труда эксплуататора либо ее нет вовсе). В любом случае после того, как была открыта концепция трех типов отношений собственности и управления, лучше пользоваться тем определением эксплуатации, которое мы дали тремя абзацами выше.

Разбойники и мошенники тоже относятся к эксплуататорам(77), поскольку и они авторитарно управляют распределением, при этом безвозмездно присваивая продукт труда других людей безотносительно к тому, сколько труда они сами вложили в приумножение общественного богатства. Поэтому зря менеджеры капиталистических производственных предприятий (а также начальники-производственники в государствах типа СССР) обижаются, когда их обвиняют в грабеже трудящихся масс: сколько бы они ни делали полезной для общества работы, все равно в сравнении их с бандитами будет скрыта глубокая экономическая истина, не зависящая от какого бы то ни было морализирования. Они не были бы эксплуататорами, а значит, объективно не имели бы ничего общего с грабителями, если бы были руководителями в коллективистском обществе—в таком обществе, где деятельность руководителей постоянно и полно контролировалась бы их подчиненными, могущими заменить своих прежних лидеров новыми в любой момент. Однако подавляющее большинство эксплуататоров почему-то не хочет быть такими руководителями, хотя в коллективистском обществе им жилось бы гораздо спокойнее, чем теперь:

"Слова Шиллера: "Прочь долговые книги, и да воцарится мир на земле"—найдут тогда свое осуществление, а библейское изречение: "В поте лица своего будешь есть хлеб свой"—коснется также и героев биржи и трутней капитализма. Но работа, которую они обязаны будут исполнять в качестве равноправных членов общества, не будет подавлять их, а их физическое состояние значительно улучшится. Они навсегда избавятся от забот об имуществе, которые, если верить патетическим заявлениям наших предпринимателей и капиталистов, зачастую еще тяжелее, чем необеспеченное и скудное существование рабочего. Избавятся

они от треволнений и от спекуляции, так часто причиняющей биржевым игрокам болезни сердца, апоплексический удар и нервное расстройство. И они, и их наследники избавятся от всяких забот и будут чувствовать себя превосходно” (Август Бебель, "Женщина и социализм").

Литературная страничка

Бертольт Брехт

Ночлег

Говорят, что в Нью-Йорке
На углу Бродвея и Двадцать шестой авеню
В зимние месяцы каждый вечер становится человек
И, обращаясь с просьбой к прохожим,
Обеспечивает ночлегом собирающихся там бездомных.

Мир от этого не изменяется,
Отношения между людьми не улучшаются,
Век эксплуатации от этого не сокращается,
Но несколько человек получают ночлег,
На одну ночь укрываются от ветра.
Снег, предуготовленный им, падает на мостовую.

Человек, не захлопывай книгу, которую ты сейчас читаешь.

Несколько человек получают ночлег,
На одну ночь они укрыты от ветра.
Снег, предуготовленный им, падает на мостовую.
Но мир от этого не изменяется,
Отношения между людьми не улучшаются,
Век эксплуатации от этого не сокращается.

Перевод Б. Слуцкого

(Библиотека всемирной литературы, серия третья, том 139. Бертольт Брехт: Стихотворения, рассказы, пьесы. М., "Художественная литература", 1972. С. 102 - 103.)

Вопросы читающего рабочего

Кто воздвиг семивратные Фивы?
В книгах названы имена повелителей.
Разве повелители обтесывали камни и сдвигали скалы?
А многократно разрушенный Вавилон?
Кто отстраивал его каждый раз вновь? В каких лачугах
Жили строители солнечной Лимы?
Куда ушли каменщики в тот вечер,
Когда они закончили кладку Китайской стены?
Великий Рим украшен множеством триумфальных арок.
Кто воздвиг их? Над кем
Торжествовали цезари? Все ли жители прославленной Византии
Жили во дворцах? Ведь даже в сказочной Атлантиде
В ту ночь, когда ее поглотили волны,
Утопающие господа призывали своих рабов.

Юный Александр завоевал Индию.
Совсем один?
Цезарь победил галлов.
Не имел ли он при себе хотя бы повара?
Филипп Испанский рыдал, когда погиб его флот.
Неужели никому больше не пришлось проливать слезы?
Фридрих Второй одержал победу в Семилетней войне.
Кто разделил с ним эту победу?

Что ни страница, то победа.
Кто готовил яства для победных пиршеств?
Через каждые десять лет - великий человек.
Кто оплачивал издержки?

Как много книг!
Как много вопросов!

Перевод И. Фрадкина

(Там же, с. 184.)

Трудности правления

1

Министры твердят без конца народу,
Как трудно руководить. Без министров

Хлеб рос бы внутрь земли, а не вверх.
Ни куска бы угля не вышло из шахты,
Когда бы канцлер не был столь мудрым.
Без министра пропаганды женщины беременеть бы не соглашались,
А без военного министра ни одна война бы не началась.
Да и солнце без разрешенья фюрера не всходило б, а если б даже всходило,
То, наверно, всходило б не в должном месте.

2

Управлять страной, говорят министры,
Столь же трудно, как фабрикой. Без владельца
Обрушатся стены, заржавеют машины,
И, даже если плуг изготовят,
Все равно он не попадет на пашню
Без тех хитрых слов, которые пишет
Для крестьян предприниматель: кто мог бы еще
Им сообщить, что имеются плуги, и что бы
Стряслось с помещьем, когда из него ушел бы помещик?
Наверное, посеяли бы рожь на поле, на котором уже посажен картофель.

3

Если бы править было легко,
То к чему был бы нужен светлый ум фюрера,
Если б сам рабочий знал, как управлять машиной,
И крестьянин отличал бы пашню от доски, на которой рубят лапшу,
Не нужны были бы заводчики и землевладельцы,
И лишь потому, что все так глупы,
Нужен кто-то, кто очень умен.

4

А быть может, лишь
Потому так трудно править,
Что обману и эксплуатации нужно учиться?

Перевод В. Корнилова

(Там же, с. 205-206).

Хвала коммунизму

Он серьезен, он всем понятен. Он так прост.
Ты не кровопийца ведь. Ты его постигнешь.
Он нужен тебе, как хлеб, торопись узнать его.
Глупцы зовут его глупым, злодеи зовут его злым,
Мерзавцы зовут его мерзким.
А он против зла и против глупости.
Обиралы кричат о нем: "Преступлень!"
А мы знаем:
В нем конец их преступлений.
Он не безумие, но конец безумия.
Он не хаос, но
Стройный порядок.
Он то простое,
Что трудно свершить.

Перевод С. Третьякова

(Там же, с. 127.)

Хороший, но для кого?

Подойди. Говорят,
Ты хороший человек.
Ты неподкупен. Впрочем,
Молния, ударившая в дом, -
Тоже.
Ты не отступаешься
От того, что когда-то сказал.
Но что ты сказал?
Ты честен: что думаешь, то и говоришь.
Но что ты думаешь?

Ты храбр.
Но в борьбе против кого?
Ты умен.
Но кому служит твой ум?
Ты не заботишься о своей выгоде.
А о чьей?
Ты хороший друг.
Но хороших ли людей?

Слушай же, мы знаем:
Ты наш враг. Поэтому
Мы тебя поставим к стенке.
Но, учитывая твои заслуги и твои достоинства,
Мы поставим тебя к хорошей стенке
И расстреляем тебя из хороших винтовок хорошими пулями,
А потом закопаем
Хорошей лопатой в хорошей земле.

Перевод Б. Слуцкого

(Там же, с. 101-102.)

Что толку в доброте?

1

Что толку в доброте,
Когда добрых немедленно убивают или убивают тех,
Кому они сделали добро?

Что толку в свободе,
Когда свободным приходится жить среди несвободных?

Что толку в разуме,
Когда пищу, без которой никто не обойдется, добывает одно
лишь неразумие?

2

Чем всего лишь быть добрым,
Постарайся создать условия, при которых доброта возможна,
а еще лучше:
Сделайте ее излишней!

Чем всего лишь быть свободными,
Постарайтесь создать условия, при которых все свободны
И даже любовь к свободе
Делается излишней!

Чем всего лишь быть разумными,
Постарайтесь создать условия,

При которых неразумие
Никому не выгодно!

Перевод Б. Слуцкого

(Там же, с. 159.)

Из письма Марлена Инсарова Михаилу Магиду

Здравствуй, Михаил!

Некоторые замечания в ответ на твои последние замечания.

1) Технология, машины и т. п. не развиваются сами собой, саморазвитие техники, конечно же, бред. Смысл идеи Маркса в другом.

По прекрасному (и вполне субъективистскому) определению Троцкого, критерий прогресса – увеличение власти человека над природой и уменьшение власти человека над человеком (вплоть до исчезновения последней). Техника – средство освобождения человека от власти природы, средство победы разума над темными силами неразумного мира (что эта техника при эксплуататорском строе используется для порабощения, так отсюда вывод – не долой технику, а долой эксплуататорский строй). Реалии 20 – начала 21 века ставят под вопрос неизбежность победы разума над неразумием, рода людского – над стихийными силами природы и общества, но не необходимость такой победы. Человечество может погибнуть, но если оно не погибнет, то именно потому, что сможет преобразовать всю вселенную. Смысл коммунистической революции – не только в уничтожении собственности и разделения на управляющих и управляемых. Все это – лишь начало. Дальше – победа над временем и пространством и т. п. чудеса.

2). Смысл нашего аргумента о неспособности фабрично-заводского пролетариата к самоуправлению – совсем не в отсутствии знаний у рабочих (кто ж спорит, что знания – дело наживное и т. п.). Трагедия была в другом – в отсутствии достаточных средств сообщения (Маркс и Энгельс в их прекрасной работе - если не считать ту ее часть, где буквоедская полемика со Штирнером - «Немецкая идеология», написанной, когда марксизма еще не существовало и мысль Маркса и Энгельса прорывалась к пониманию реальности, говорили о средствах производства и *общения*. Из марксизма эта идея выпала).

Прямая демократия старых времен существовала только на уровне крестьянской общины, самое большее – города-государства, численностью населения не превышающего современный райцентр (если не ошибаюсь, Аристотель писал, что полис не должен иметь населения больше, чем может собраться на его площади), при этом чем больше росло население, тем прямая демократия становилась неустойчивее. Несколько десятков крестьян, собравшись на сход, могут решить свои дела вместе и на равных, уже у нескольких тысяч казаков на Круге или у афинян нарастали элементы единоначалия и прямая демократия начинала превращаться в фикцию (превращение, конечно, не сразу. Если казаки или граждане Афин становились очень недовольны совсем зарвавшимся атаманом или стратегом, то могли его скинуть, но пока тот не возбуждал общего недовольства и не зарывался, то мог вести дела по собственному усмотрению, а казаки или граждане оставались при своем праве, которое, постепенно, утончалось в простую формальность). А представь, что получится из общего собрания жителей Москвы (несколько миллионов человек!) и что оно может решить. Либо принять резолюцию, предложенную и навязанную организаторами (как проходит на КППРФных, ФНПРовских и т. д. митингах), либо, в случае возникновения трений и разногласий, вообще ничего не решит, и все увянет в раздразе.

Или вопрос, как управлялась бы Россия в случае победы восстания Степана Разина. Если через 100 лет пугачевцы копировали царскую администрацию, то разинцы достаточно последовательно и сознательно вводили решение всех дел общим собранием, т. е. кругом. Оно более–менее успешно работало даже в таком большом городе, как Астрахань, но какое общее собрание было возможно для крестьянства, казачества и плебейства всей России? Пришлось бы, в лучшем случае, избирать делегатов в Москву, а контроль над делегатами сильно затруднен хотя бы по причине трудностей дорожного сообщения, следовательно, делегатам все более переходила бы реальная власть, они становились бы новым управляющим (а поэтому, и эксплуататорским) классом. Именно так и происходило после победоносных крестьянских восстаний на Востоке (лидеры восстания становились новыми феодалами, хотя норма эксплуатации сперва резко падала, и перерождение происходило не односекундно, встречало отпор рядовых повстанцев и т. д.). Локализм – трагедия крестьянских восстаний, крестьяне были способны самоорганизоваться, самое большее, на уровне нескольких соседних сел (волости). Для руководства делами, охватывающими больше нескольких сел, неизбежно возникала управленческая и эксплуататорская иерархия.

Все меняется с появлением технических средств, дающих возможность миллионам людей координировать свою деятельность, вместе принимать решения. Решать будут люди, компьютеры – лишь техническое средство, но необходимое средство, чтобы миллионы людей могли вместе решать(1).

Далее. Коммунистическое хозяйство – натуральное, а не рыночное. Это означает, что человеческому коллективу придется постоянно иметь дело с задачей: в наличии имеется энное количество рабочего времени, как распределить его так, чтобы удовлетворить максимально возможное (при данном количестве рабочего времени) число потребностей? В старые времена данная задача, так или иначе, решалась крестьянской семьей, но рабочая сила, вводимая в ее расчеты, была небольшой (несколько человек), методы хозяйства традиционны и т. д. А если решать данную задачу для коллектива в 6 миллиардов населения Земли? Решать, разумеется, будут люди, но

быстродействующие компьютеры – необходимые для такого решения приспособления (даже если провести децентрализацию и упрощение потребностей, разбив человечество на хозяйственные общины по несколько сотен – тысяч человек, возникнут вопросы о налаживании взаимодействия общин для решения вопросов, которые могут быть решены только усилиями миллионов людей). Победа коммунизма предполагает наличие необходимых для нее средств производства и сообщения.

3). О CNT информация интересная и требующая осмысления. Так как о структуре и функционировании ее не знаю, сказать не могу. Оппортунистическая линия CNT в Испанской революции тем не менее факт. Непосредственная причина ее – идеологические ошибки анархизма (не хотели установить свою революционную диктатуру, а потому волей-неволей признали контрреволюционную диктатуру Народного фронта), но были же у этих ошибок более глубинные материальные причины.

4). О “компьютеризированном мозге” и “сверхчеловеческом человеке”. С чего мы, люди, взяли, что в нынешнем своем состоянии представляем вершину биологической эволюции, и что мы не разоведемся в существа (или что нас не сменят существа), которые будут столь же выше нас, как мы выше обезьян или лягушек. Другой вопрос, что увлекаться размышлениями на эту тему, как и вообще рассуждениями о том, что будет через 10 тысяч лет, не следует, так как такие рассуждения пока что – гадание на кофейной гуще.

Примечание от Г. Васильева:

(1) Миллионы людей смогут вместе решать лишь в том случае, если компьютерная система станет не просто средством общения для миллионов человеческих мозгов, но *объединится с ними в единый мыслящий орган*, единый огромный мозг, *примет непосредственное участие в процессе обдумывания информации и принятия решения как часть этого единого мозга*. (Именно такую возможность создают системы вроде GRID'a.) Иными словами, *миллионы людей смогут вместе решать, если люди и компьютеры будут решать вместе* - причем "вместе" означает вовсе не то, что компьютеры станут некими отдельными от людей разумными существами, сотрудничающими с людьми, а, напротив, что мозги людей и начинка компьютеров постепенно будут превращаться в единый мыслящий орган. Разъяснение того, как это вообще возможно и почему логика истории ведет именно к такому результату, см. в "Письме В. Бугеры А. Жиденкову, редактору бюллетеня "Вестник "Солидарности"", опубликованном в книге "Идеология коллективизма" и на сайте "Left Wing Communism - An Infantile Disorder?" ("Левый коммунизм - детская болезнь?") - <http://www.left-dis.nl/r/solidar.htm> .

Если же компьютерная система останется всего лишь скоростной почтой (вроде Интернета, FIDO и т. п. сетей, в которых самое быстрое средство обмена сообщениями - рассылки и чаты - принципиально не отличаются от селекторных совещаний по телефону и никак не могут помочь миллиону человек выработать единое решение за несколько часов), то она никоим образом не сможет помочь огромным массам людей превратиться в единый коллектив, мыслящий и действующий как единый субъект *без деления на начальников и подчиненных*. Компьютерная система делает возможным такой коллектив лишь в том случае,

если она становится *частью аппарата мышления, обдумывания информации и принятия решений*, а не просто средством передачи этой информации.

Все сказанное выше является не столько возражением тому, что написал Инсаров в своем втором замечании, сколько дополнением и развитием его мысли - а также мысли Маркса и Энгельса насчет средств общения, на которую ссылается товарищ Инсаров. Если трактовать *общение* не просто как бездумную *передачу информации*, в духе Норберта Винера и его учеников-кибернетиков, но как *неотъемлемый внутренний момент процесса общественного мышления, воления и чувствования*, то получится, что мы с Инсаровым говорим одно и то же (просто я, в данном случае, делаю это чуточку подробнее).

Важно подчеркнуть, что компьютерные системы делают пролетариат готовым к коллективному овладению производительными силами *не сами по себе* (не просто как груда железа, сконструированная тем или иным образом), но как *этап процесса развития производительных сил* - того процесса, который ведет не только к появлению и распространению компьютерных систем, но и к периодическому повторению больших империалистических переделов мира, то есть больших войн, объединяющих пролетариат (в мирное время разобщенный тем же самым процессом развития производительных сил) в воинские части, вооружающих его, доводящих его до такого состояния, когда терять нечего, и до понимания, что пролетариям разных наций имеет смысл не убивать друг друга, а повернуть оружие на своих начальников. Появление и распространение компьютерных систем - это *один из* внутренних моментов сегодняшнего развития производительных сил, оставляющего сегодня для выживания человечества только один путь: путь коллективистской революции, превращения человечества в единую компьютеризованную общину. Компьютеры - это хотя и необходимая предпосылка перехода к бесклассовому обществу, но не единственная; однако все остальные предпосылки коллективистской революции *тоже обуславливаются, как и всё вообще в жизни людей, развитием производительных сил.*

Необходимый, закономерный характер коллективистской революции проявляется именно в том, что только на этом пути человечество может выжить. Здесь уместно сравнение с развитием человеческого тела: тело подростка может погибнуть самыми разными, "альтернативными" способами, но выжить оно может лишь одним путем - превратившись в тело взрослого человека, - и нет этому пути никакой альтернативы, никакого иного пути выживания. Тело подростка довольно скоро погибнет, если попытаться законсервировать его в подростковом состоянии или, того хуже, обратно превратить его в тело ребенка.

Те анархисты, которые мечтают вернуться к доиндустриальному обществу, похожи на людей, испугавшихся подростковых болезней роста и предлагающих подростку для излечения от этих болезней... снова стать ребенком. Даже если эти болезни грозят подростку гибелью, это еще не значит, что ему не надо взрослеть.

Что будет представлять собой *естественное, необходимое, закономерное* взросление человечества - см. об этом в "Письме В. Бугеры А. Жиденкову". Что же касается анархистов-"доиндустриалов", то они, как это будет показано в следующем номере "ПР" в полемике с Магидом, парадоксальным образом противоречат сами себе: с одной стороны, они вроде бы выступают против омертвляющей человеческие отношения индустриальной техники, за живую жизнь, а с другой стороны - относятся к человечеству не как к живому, развивающемуся по своим внутренним законам организму (который погибнет,

если воспрепятствовать действию этих естественных законов), а как к детскому набору-"Конструктору", который якобы можно собрать по разным моделям (по индустриальной, по доиндустриальной, по еще какой-нибудь...), между которыми якобы можно делать выбор... На самом же деле выбор есть только один: либо угробить человечество (тем или иным способом, каким именно - не суть важно), либо помочь ему выжить, с помощью революционного насилия устранив те помехи, которые мешают человечеству *естественным образом* дорасти до его *закономерного* взрослого состояния (то есть до коллективизма, а затем - до превращения в единое гигантское мыслящее существо).

Разговор с программистом-фашистом

Книга В. Бугеры "Собственность и управление" (М., Наука, 2003), в которой подробно раскрывается роль компьютеризации как предпосылки коллективистской революции, не только нашла себе читателей - весь ее тираж в 500 экз. уже разошелся, - но и уже вызывает отклики этих читателей.

Осенью прошлого года Г. Васильеву довелось обсудить ее с неким программистом (назовем его О.) из одного крупного города России (и он сам, и познакомившие его с Васильевым люди утверждали, что О. - высококлассный программист, что специалистов такой квалификации, как он, в его городе едва наберется человек пять). Прочитав "Собственность и управление", О. не согласился с доказываемым в ней утверждением, что компьютерные системы, подобные GRID, могут стать материально-технической базой общественной собственности всего трудящегося человечества на производительные силы.

Васильев попросил О. вкратце и очень популярно, для "чайников", изложить, что представляет собою GRID и на чем основываются возражения О. Вот конспект этого изложения:

GRID решает любые задачи, предполагающие обработку больших объемов не связанных между собою данных.

Обязательно имеется центральный узел, посредством которого только и возможно управление GRIDом.

Только центральный узел держит статистику остальных узлов и загружает их задачами.

Отслеживать ход работы центрального узла можно *откуда угодно*. Кто следит за работой центрального узла, следит за работой всей сети. Это должен быть высококвалифицированный программист.

GRID может быть построен поверх *любой* сети типа Интернет - но для этого должна быть осуществлена унификация операционных систем всех пользователей этой сети, вообще всей вычислительной среды в данной сети.

Основные возражения О. были таковы:

- 1) центральный узел GRID'a могут контролировать лишь немногие, которые и будут управлять остальными пользователями этой системы;
- 2) унификация операционных систем множества пользователей невозможна, поскольку у разных людей и фирм интересы и задачи сплошь и рядом несовместимы.

Второе возражение отпало сразу: даже до коллективизма, в период перехода к нему, интересы пользователей будут уже настолько совпадающими, что они смогут, когда им будет нужно, унифицировать свои операционные системы в таких масштабах, в каких им будет это нужно. Что же касается первого возражения, то на вопрос: а что помешает хорошо обучить программистской мудрости, когда буржуазия будет свергнута, миллиарды людей, чтобы они могли отслеживать ход работы центральных узлов систем типа GRID и быть в любой момент готовыми заменить тех, кто контролирует работу этих узлов? - О. смог ответить только то, что люди от природы не равны и не всякому дано овладеть всеми глубинами компьютерной премудрости.

Таким образом, возражения О. против концепции компьютеризации как предпосылки коллективистской революции основывались вовсе не на его профессиональных знаниях (как следует из его же слов, рядовые пользователи GRID'a, обладающие необходимыми знаниями, преспокойно могут отслеживать работу центрального узла системы - а значит, использовать ее именно для коллективного самоуправления), а на его социально-политических установках. Эти установки, которые О. очень ясно осознает и четко формулирует (он охотно изложил их в ходе дискуссии), являются вполне фашистскими. Люди, по его мнению, не равны от природы, и одни призваны господствовать над другими; классовое общество вечно и вполне соответствует человеческой природе; прогресс творчества обеспечивается только классовым обществом и никак невозможен, если творческие личности не господствуют над серой массой... Помимо всего прочего, О. оказался еще и сатанистом, администратором какого-то сатанистского сайта (впрочем, он, похоже, не верит в сатану как в некую реальную, хотя и потустороннюю, личность; скорее, образ сатаны является для него лишь символом желательного ему иерархического миропорядка, пронизанного эксплуатацией и конкуренцией). Он *верит* в то, что он и ему подобные призваны господствовать над "быдлом"; эта вера, из которой вытекает и его уверенность в неспособности компьютерных систем технически обеспечить общественное самоуправление, является вовсе не научно обоснованным выводом, но лишь *продуктом его желаний*.

Вот так программист-фашист О. своими возражениями против концепции компьютеризации как предпосылки коллективизма парадоксальным образом *подтвердил* истинность этой концепции.

Работа над ошибками

Исправляем опечаточки...

В №5 "ПР", в статье В. Остросветова, были допущены две опечатки. Не по нашей вине: виноват тот, кто набирал эту статью для ее автора, передавшего нам ее уже в электронном виде - набирал, судя по этим опечаткам, спустя рукава...

Итак:

с. 15, 17-я строка снизу - вместо "репрессировано только 4% директорского корпуса" следует читать "репрессировано только 24% директорского корпуса";

с. 23, 9-я строка снизу - вместо "добровольно" следует читать "добросовестно".

Наша вина, наша большая вина...

В том же номере мы опубликовали великолепную левокоммунистическую статью "Освенцим, или Великое алиби", в которой убедительно доказывается, что в геноциде евреев во время второй мировой войны *английская и американская буржуазия повинны не меньше, чем нацисты*, и вообще в холокосте **непосредственно** виновен **весь**, а не только германский, мировой капитал - а перекладывание всей ответственности исключительно на плечи нацистов есть **уловка буржуазных антифашистов**, которые на самом деле ничем не лучше фашистов.

Мы ошиблись, приписав эту замечательную статью великому марксисту и революционеру Амадео Бордиге. Через некоторое время, в начале 2003 г., товарищи из бордигистской Интернациональной коммунистической партии - "Le Proletaire" поправили нас:

"К несчастью, вы допустили ошибку в связи со статьей "Освенцим...", опубликованной вами. Как вам известно, все тексты и статьи нашей партии публикуются анонимно, поскольку они являются не индивидуальными трудами, а трудами партии. Но раз уж вы приписали эту статью Бордиге, мы должны поправить вас. На самом деле статья об Освенциме была написана не Бордигой, а членом нашей французской организации, семья которого едва успела сбежать из Австрии накануне прихода германских войск (они были евреи) и нашла убежище во Франции. Эта статья была первым трудом, написанным им для партии, потому что он чувствовал потребность показать, что марксизм способен объяснить этот геноцид. Сейчас этот товарищ очень стар и поэтому больше не является политическим активистом; последней вещью, которую он написал для нашей партии, был памфлет на эту же тему, который мы опубликовали в 1996 г. ...Шутя, он говорит, что в реальной жизни он избежал концлагерей, но политически он не избавился от них!"

Мы хотим не только принести свои извинения как читателям, так и автору этой статьи, но и выразить свое восхищение этим замечательным, прожившим свою жизнь для революции и для своих товарищей по борьбе человеком, чьи глаза не ослепила трагедия его народа, не помешала ему увидеть за спинами палачей-нацистов *главного* виновника гибели евреев - *всех эксплуататоров мира и те экономические законы, которые движут капиталистическим обществом и побуждают буржуазию время от времени уничтожать, ради своей прибыли, миллионы людей*. Когда думаешь о таких людях, то чувствуешь, что жизнь не бессмысленна - и что стоит прожить ее, как революционеру, неважно, долго или коротко...

* * *

Дьявол, пошли нам удачу,
Силу пошли нам, дьявол,
Чтоб в парус ветер горячий
Дул, чтоб неслись мы лавой.
Летели бурным потоком
К победе своей неминучей,
Покончили б с подлым роком,
С рабской судьбой невезучей.
Чтоб стали братья и сестры
Без наций, рас и религий,
По вольной земле ходили,
Творили бы жизнь, а не книги.
Чтоб мы разогнули спину,
Мир мерили твердым шагом,
Деньги по ветру пустили,
Мир осенив красным флагом.
Чтоб счастья на всех хватило,
Всему угнетенному классу,
Чтоб каждому досыта было
Хлеба, сыра и мяса.
Чтоб мир стал полной чашей,
Товарищами стали люди.
Сметем, истребим всех, кто скажет,
Что этого век не будет.